МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВЫСШАЯ ШКОЛА УПРАВЛЕНИЯ
Кафедра исторических и социально-философских дисциплин,
востоковедения и теологии
Будаев Марат Русланович

Ислам в системе государственно-конфессиональных отношений

в Северной Осетии (1920 - начало XXI в.)

Выпускная квалификационная работа на присвоение
квалификации: бакалавр
направление подготовки: 48.03.01.
профиль: государственно-конфессиональные отношения
(с исламским блоком дисциплин)

Научный руководитель:
канд. истор. наук, доцент кафедры
исторических и социально-философских дисциплин,

востоковедения и теологии

В.З. Акопян

К защите в ГАК допускается

Решение кафедры от __ 20 __
Протокол №
Заведующий кафедрой
_____

Пятигорск – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. Место и роль ислама в религиозной жизни Северной Осетии...16

1.1. Этапы распространения ислама среди осетин. Особенности вероисповедания мусульман в Осетии 16

1.2. Мусульманские религиозные организации в Северной Осетии в постсоветский период 25

Глава 2. Деятельность государственных органов Северной Осетии среди мусульманских организаций в советский период (1920-1991 гг.).....38

2.1. Особенности конфессиональной политики государства в 1920-1930-е гг. и в период Великой Отечественной войны на территории Северной Осетии 38

2.2. Конфессиональная политика республиканских органов власти в послевоенные десятилетия (1945-1980-е гг.) 47

Глава 3. Взаимоотношения мусульманских религиозных организаций Северной Осетии с государством и иными конфессиями на современном этапе 61

3.1. Новый уровень взаимоотношения государства и религиозных организаций в постсоветский период 61

3.2. Взаимодействие мусульманских организаций с другими конфессиями республики. Участие мусульман Северной Осетии в миротворческой деятельности на Кавказе 72

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 83

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 87

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана с рядом различных факторов, требующих разъяснения.

В первую очередь, следует указать на тот факт, что в Советском Союзе, в силу официальной государственной коммунистической идеологии, любая религия в течение долгого времени подвергалась преследованиям – вплоть до середины 1980-х гг., когда в эпоху горбачевской «перестройки» произошло смягчение политического режима в стране, и, в том числе, и в религиозном вопросе. Однако, во времена «перестройки» 1985-1991 гг., и, в особенности, после падения советского образования Российской Федерации, в нашей стране началось возрождение религиозного сознания населения. затруднялось вследствие многолетнего воздействия на общество советской атеистической пропаганды. По этой причине, изменения в религиозной политике государства, произошедшие в России за последнее столетие, требуют тщательного изучения трудностей, возникших при восстановлении религиозных институтов, как важной составляющей жизни российского общества.

Важно учитывать тот факт, что Россия представляет собой полиэтничное и многоконфессиональное государство. Населяющие Российскую Федерацию народы исповедуют все мировые религии – христианство, ислам и буддизм. Кроме того, в стране большое количество граждан, исповедующих иудаизм и традиционные языческие культы. В связи с этим, конфессиональный вопрос является одним из важнейших аспектов государственной политики: недостаточно эффективное и своевременное решение

межконфессиональных противоречий едва ли не в меньшей степени грозит целостности преодоление межконфессиональных конфликтов. К тому же, в определенных случаях, причины межэтнических и межрелигиозных конфликтов могут и совпадать.

В данном отношении, Северокавказский регион, в котором проживают десятки различных национальностей, исповедующих все перечисленные выше религии, является одной из самых проблемных (если не самой проблемной) территории Российской Федерации, на которой все еще остаются не до конца решенными противоречия между различными этносами, связанные, в том числе, и с религией. Подобная ситуация представляет собой фактор дестабилизации и несет угрозу устоям российской государственности. Анализ поисков решения данной проблемы, которые предпринимаются в нашей стране, так же должен стать предметом тщательного изучения.

Выбор территории настоящего исследования не случаен. Конфессиональная ситуация в Республике Северная Осетия – Алания (РСО-А) существенным образом отличается от положения в остальных республиках Северного Кавказа, входящих в Северокавказский (Чеченская Республика, Ингушская Республика, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика) или Южный федеральный округа (Республика Адыгея). Во всех перечисленных национальных государственных образованиях господствующей религией является ислам. Между тем большинство населения РСО-А являются христианами разных направлений: большая часть осетин

(титульное население республики), русские, армяне, грузины, украинцы, греки, немцы и др. При этом и мусульмане (преимущественно осетины, а также ингуши, кабардинцы, чеченцы, татары, турки и др.) составляют немалый процент населения, существенно влияя на общественную жизнь республики..

В связи с этим, важно исследовать процесс распространения мусульманской религии на территории Северной Осетии в исторической ретроспективе. Это позволит провести сопоставительный анализ и выявить как соответствие распространения ислама в Северной Осетии общим тенденциям (для чего требуется дать в данной выпускной квалификационной работе краткую характеристику ислама, как религиозного учения, и разъяснить теологические термины, сопутствующие данной тематике), так и учесть местную специфику. Кроме того, немаловажно рассмотреть факторы, обусловившие проникновениям мусульманской веры на территорию своевременной Северной Осетии, равно как и этапы данного процесса – с учетом того обстоятельства, что хронология принятия ислама осетинами и в начале двадцать первого столетия является предметом научных дискуссий.

Следует изучить так же и весь комплекс политических, социально-экономических географических и прочих причин, которые воспрепятствовали утверждению ислама в качестве господствующей религии в осетинской среде, в отличие от остальных северокавказских народов, а так же степень влияния, оказанного исламской религией, на развитие

культурной и социально-бытовой сфер жизни осетинского народа.

Немаловажно рассмотреть особенности конфессиональной политики властей Российской империи (в которой официальной религией являлось православное христианство) по отношению к мусульманам на территории современной Северной Осетии, которая определенным образом отличалась от таковой политики на общероссийском уровне.

Особую значимость имеет и осмысление положения мусульман Северной Осетии на различных этапах существования советской власти. Данная политика несколько раз претерпевала значительные изменения – от терпимого, в целом, отношения в первые послереволюционные годы, к жестоким репрессиям в эпоху 1920-1930-х гг., послаблениям в период Великой Отечественной войны, и новому этапу преследований в послевоенный период – вплоть до начала горбачевской перестройки.

В этой связи представляет интерес сравнительный анализ конфессиональной политики республиканских властей в советский период с учетом ее совпадений и различий с аналогичной общесоюзной политикой.

Немалое значение имеет в данном контексте анализ позиции мусульман Северной Осетии в период борьбы с гитлеровской Германией. Представляется важным ответить на вопрос, почему жесткая антирелигиозная кампания советских властей в довоенный период не поколебала патриотические чувства осетин-мусульман.

Наконец, подлежат анализу изменения, произошедшие после распада СССР в конфессиональной политике государства и в положении мусульман Северной Осетии. Это необходимо для выявления специфики развития исламских религиозных институтов в республике в 1990-х гг. – первых двух десятилетиях XXI в., анализа степени их эффективности – в том числе с учетом результатов деятельности каждого из муфтиев.

Так же важно изучить характерные особенности диалога между североосетинской мусульманской общиной, с одной стороны, и местными и общероссийскими властями, с другой.

В то же время, своеобразие РСО-А заключается в том, что многие из осетин, относящих себя как к христианам, так и мусульманам, лишь внешне соблюдают необходимые обряды, но, по сути, придерживаются традиционных политеистических верований. В связи с этим, важно проанализировать степень религиозности осетин-мусульман, и характер их взаимоотношений с единоверцами, относящимися к другим этносам, как внутри республики, так и на Северном Кавказе (и за его пределами). Важным аспектом данной проблемы представляется изучение специфических черт двусторонних отношений осетин-мусульман с представителями ингушского этноса, что обусловлено последствиями осетино-ингушского конфликта (осень 1992 г.), который на латентном уровне и в настоящее время сохраняет конфликтогенный потенциал.

Следует принять во внимание и тот факт, что ислам как таковой негативно воспринимается в некоторых слоях российского общества вследствие трагических событий

второй половины 1990 – начала 2000 гг., в том числе – и на территории РСО-А. В данном случае, имеются в виду гибель заложников в Беслане в 2004 г., а так же ряд террористических актов, стоивших жизни видным осетинским публицистам и теологам мусульманского вероисповедания, являвшихся сторонниками сотрудничества с представителями других религий. С учетом данного обстоятельства, считаем, что необходимо исследовать характер взаимодействия мусульманских организаций с другими конфессиями, и с представителями различных этносов, проживающих в Северной Осетии, равно, как и участие североосетинских мусульман в миротворческой деятельности на Кавказе – в том числе, в Южной Осетии. Не меньшее значение имеет и изучение деятельности мусульманской общины Северной Осетии в контексте деятельности всех конфессий РФ, направленной на достижение мирных и партнерских межконфессиональных отношений в нашей стране.

Степень научной разработанности проблемы. Научное исследование, к которым относятся и выпускные квалификационные работы (ВКР), должны основываться, в первую очередь, на работе с источниками. По этой причине, данная ВКР базируется, прежде всего, на ряде нормативных документов религиозных структур и органов государственного управления советского и постсоветского периода, таких, как: «Восьмой съезд РКП (б). Протоколы заседаний. Март 1919 г.; «Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917-1943 гг.): сборник документов» - Сост. Б.А. Синанов, «Декрет

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об упразднении Горской Советской Социалистической Республики. 7 июля 1924 г.»; Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 17 (30) января 1918 г. об учреждении Комиссариата по делам мусульман; «Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 28 января 1918 г.»; «Из декрета ЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения в регионах с мусульманским составом населения». Октябрь 1923 г.»; Коммюнике объединенного заседания Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального консультативного комитета от 28 февраля 2020 г.; «Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г.»; «Нормативно-правовые акты Союза Советских Социалистических Республик с 1924 по 1934 гг.; «Положение о шариатских судах Горской Советской Социалистической Республики. 5 декабря 1921 г.»; «Постановление СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов».[1]

[1]Восьмой съезд РКП(б). Протоколы заседаний. Март 1919 г. URL.: http://istmat.info/files/uploads/51514/8_sezd.pdf (дата обращения: 12.11.2019); Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917-1943 гг.): сборник документов / Сост. Б.А. Синанов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014 167 с.; Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об упразднении Горской Советской Социалистической Республики. 7 июля 1924 г. URL.: https://chechenlaw.ru/?p=198 (дата обращения: 11.11.2019); Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 17 (30) января 1918 г. об учреждении Комиссариата по делам мусульман. URL.: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9838-17-30-yanvarya-dekret-ob-uchrezhdenii-komissariata-po-delam- musulman (дата обращения: 3.11.2019); Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 28 января 1918 г. URL.: https://constitution.garant.ru/history/act1600- 1918/5325/ (дата обращения: 13.12.2019); Из декрета ЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения в регионах с мусульманским составом населения». Октябрь 1923 г. URL.: https://kavkaznasledie.ru/?p=3675 (дата обращения: 13.11.2019); Коммюнике объединенного заседания Межрелигиозного совета России и

Использование документальных первоисточников в сочетании с другими источниками, позволяет сконструировать объективную картину конфессиональной политики государственных и республиканских органов власти Северной Осетии в отношении мусульманской общины в изучаемый период.

В ВКР широко использовались научные исследования, посвященные рассматриваемой теме: докторские и кандидатские диссертации, монографии, научные статьи, публицистические заметки, опубликованные в научных и научно-популярных журналах и сборниках. В данной работе нашли применение труды таких исследователей, как: А.Я. Амелина; А.В. Гамаонова; А.М. Гарасаев, Л.М. Гарсаев; Х.М. Гацалов; Е.Х. Джиоева; Т.Е. Дзеранов; Т.И. Догузов; Н.М. Емельянова; Р.К. Келехсаев; М.С. Рощин; В.Т. Рязанов; Ф.М. Таказов; М.Н. Торчинова; В.С. Уарзиати; а так же аналитические материалы, опубликованные на сетевых ресурсах Северной Осетии и Московского Патриархата: «Об этнополитической и религиозной ситуации в Северной Осетии»; «Объединенное заседание Межрелигиозного совета России (МСР) и Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК) от 28 февраля 2020 г. под председательством Патриарха Московского и всея Руси

Христианского межконфессионального консультативного комитета от 28 февраля 2020 г. URL.: http://www.patriarchia.ru/db/text/5598906.html. (дата обращения: 6.03.2020); Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. URL.: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 26.12.2019); Нормативно-правовые акты Союза Советских Социалистических Республик с 1924 по 1934 гг. URL.: .libussr.ru/doc_ussr/ussr_3358.htm (дата обращения: 26.12.2019); Положение о шариатских судах Горской Советской Социалистической Республики. 5 декабря 1921 г. URL.: https://chechenlaw.ru/?p=595 (дата обращения: 13.11.2019); Постановление СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». URL.: http://istmat.info/node/11796 (дата обращения: 18.11.2019).

Кирилла Первого»; «Осетины – мусульмане или христиане? Религия осетин»; «Религии Северной Осетии: в кого верят и кого чтут осетины?»; «Религия Осетин: Алания Информ»; «Религиозные предпочтения молодежи РСО-Алания».[1]

При этом, как представляется, наибольшую ценность имеют исследования А.Я. Амелиной, Т.Е. Дзеранова, Н.М. Емельяновой и

[1] Амелина Я.А. Мусульмане Северной Осетии: патриотический вектор / Я.А. Амелина // Мусульманский мир. 2014 № 2. С. 56-69.; Гамаонова А.В. Осетино-ингушский конфликт: миротворческие усилия гражданского общества в постконфликтоном урегулировании / А.В. Гамаонова // Бюллетень Владикавказского института управления. 2014 № 42. С. 206-214.; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Суфийское братство Эвлия (святого) Кунта-Хаджи на Северном Кавказе / Л.М. Гарсаев, А.М. Гарасаев // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014 С. 254-258.; Гацалов Х.М. Мусульмане Осетии обрели свой «Голос»: [рассказывает муфтий РСО-А Х. Гацалов о новом изд. ДУМ «Осетия. Голос Ислама» и ближайших пл. работы] / Х.М. Гацалов // Северная Осетия. 2014 14 авг. С. 4.; Джиоева Е.Х. Христианство и Ислам за духовное возрождение и безопасность : [науч.-практ. конф.] / Е.Х. Джиоева // Владикавказ. 2014 9 окт. С. 3.; Дзеранов Т.Е. История принятия ислама в Осетии (Алании) / Т.Е. Дзеранов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015 № 12-6. С. 15-17.; Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций: Монография / Н.М. Емельянова. М.: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2003 359 с.; Келехсаев Р.К. Конфессиональные аспекты политического и социокультурного развития Осетии в условиях общественных модернизаций / Р.К. Келехсаев // Афтореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2015 28 с.; Келехсаев Р.К. Репрессии против религиозных общин г. Владикавказ в 1930-е гг. / Р.К. Келехсаев // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014 Вып. 12 С.77-83.; Наша Вера: [статьи, очерки, интервью] / сост. Т.И. Догузов. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2014 176 с.; Рощин М.С. Ислам в Северной Осетии. URL.: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-150-3/978-5-88431-150-3_25.pdf. (дата обращения 22.03.2020); Рязанов В.Т. Мусульмане Осетии: работать на благо республики: [с заседания Совета Духовного управления мусульман республики] / В.Т. Рязанов // Северная Осетия. 2014 23 янв. С. 1.; Таказов Ф.М. Ислам в системе традиционной культуры осетин (XVIII - начале XX вв.) / Ф.М. Таказов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, 2007 200 с.; Таказов Ф.М. Исламские мотивы в фольклоре осетин / Ф.М. Таказов // Афтореф. дисс… канд. филологич. наук. Владикавказ, 2006 26 с.; Торчинова М.Н. Суннитская мечеть: [история] / М.Н. Торчинова // Модный Владикавказ. 2014 Апр.(№ 4). С. 114-116.; Уарзиати В.С. Ислам в культуре Осетии / В.С. Уарзиати // Эхо Кавказа. 1993 № 3 С. 18-19.; Артур Цуциев об этнополитической и религиозной ситуации в Северной Осетии. URL.: https://caucasustimes.com/ru/artur-cuciev-ob-jetnopoliticheskoj-i-religioznoj-situacii-v-severnoj-osetii/ (дата обращения 4.12.2019); Визит азербайджанской делегации во главе с А. Паша-заде во Владикавказ в связи со 110-летием мечети Мухтарова. 26 января 2019 г. URL.: http://azerros.com/maintheme/25203-azerbaydzhanskaya-delegaciya-vo-glave-s-allahshukyurom-pashazade-posetila-vladikavkaz. (дата обращения 14.12.2019); Объединенное заседание Межрелигиозного совета России (МСР) и Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК) от 28 февраля 2020 г. Под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Первого. URL.: http://www.patriarchia.ru/db/text/5598938.html. (дата обращения 13.12.2019); Осетины – мусульмане или христиане? Религия осетин. URL.: https://nlo-mir.ru/religia/43145-

М.С. Рощина, наиболее глубоко изучивших историю развития ислама в Северной Осетии и его положения в условиях современности.

Значительное количество ценной информации о взаимоотношениях мусульманской общины республики с православными христианами и контактах осетин с другими этносами, содержится в работах таких исследователей, как Р.С. Багаев; А.Т. Баликоев; З.Б. Гобети; Л.К. Гостиева; А.А. Сланов;
В.С. Тохсыров; З.М. Фарниев; В.Х. Тавасиев; кроме того, в материале электронного ресурса «Царьград» – «Остановить атаку на Православие в Осетии».[1]

Значимость исследований таких российских и зарубежных авторов, как Р.Т. Вердиев; А.Л. Дзасохов; Б.А. Калоев; З.В. Канукова; Э. Ротстейн;

osetiny.html#a-9 (дата обращения 18.12.2019).Осетины – мусульмане или христиане? Религия осетин. URL.: https://nlo-mir.ru/religia/43145- osetiny.html#a-9 (дата обращения 18.12.2019); Религии Северной Осетии: в кого верят и кого чтут осетины? URL.: https:// sib-catholic.ru/religii-severnoy-osetii-v-kogo-veryat-i-kogo-chtut-osetinyi/ (датаобращения 15.12.2019); Религия Осетин: Алания Информ. URL.: http://osinform.org/39008-religiya-osetin.html (дата обращения 10.12.2019); Религиозные предпочтения молодежи РСО-Алания. URL.: http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=945 (дата обращения 19.12.2019).

[1] Багаев Р.С. Владикавказское Православное духовное училище / Р.С. Багаев // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2014 № 2. С. 12-17.; Баликоев А.Т. Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования / А.Т. Баликоев // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2011 27 с.; Гобети З.Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20 - 30 - е годы XX века / З.Б. Гобети // // Афтореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2009 26 с.; Гостиева Л.К. Православие в Осетии: очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX вв. / Л.К. Гостиева. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014 557 с.; Сланов А.А. Церковное строительство в Южной Осетии, развернутое обществом восстановления православного христианства на Кавказе / А.А. Сланов // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014 С. 187-194.; Фарниев З.М., Тохсыров В.С. Архиепископ Владикавказский и Аланский Зосима «Православие в Осетии имеет глубочайшие корни»: [беседа с архиепископом Владикавказским и Аланским Владыкой Зосимой / З.М. Фарниев, В.С. Тохсыров // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2014 № 1. С. 32-34.; Тавасиев В.Х. Историко-демографический анализ национального состава и численности населения Северной Осетии в XX веке / В.Х. Тавасиев // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2006 26 с.; Остановить атаку на Православие в Осетии. URL.: https://tsargrad.tv/articles/ostorozhno-sekta-pravda-o-tradicionnoj-osetinskoj-religii_210387 (дата обращения 1.12.2019).

А.А. Тетдоев; В.С. Уарзиати заключается в том, что они изучают историю и современное положение Северной Осетии в целом, или детально рассматривают отдельные аспекты развития североосетинского региона, затрагивая, в том числе, и вопросы развития ислама на территории республики.[1]

Я.А. Аксенова; Д.И. Цховребова; Н.Т. Цховребова затрагивают в своих исследованиях локальный аспект проблемы, изучая историю отдельных районов Северной Осетии, в том числе – и с конфессиональной точки зрения. Данный подход позволяет более детально рассмотреть проблемы изучаемой темы [2].

С учетом того факта, что данная работа включает в себя и анализ отношений мусульман Северной Осетии (в том числе, с точки зрения миротворческой деятельности) с теми представителями осетинского этноса, которые придерживаются местных традиционных верований, а так же контактов с Южной Осетией, в ВКР были использованы исследования Х.Г. Дзанайты; Л.А. Дударова; В.А. Захаров,

[1]Вердиев Р.Т. Особенности современной Осетии / Р.Т. Вердиев. М.: АСТ, 2009 182 с.; История Осетии. XX век / Под ред. А.Л. Дзасохова. М.: Наука, 2003 632 с.; Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). Изд. 2-е, испр. и доп. / Б.А. Калоев. М.: ГРВЛ. 1971 360 с.; Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние/ З.В. Канукова. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009 172 с.; Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне / А.А. Тетдоев. Орджоникидзе: ИР, 1959 345 с.; Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа / В.С. Уарзиати. Орджоникидзе: Ир, 1990 190 с.; Rotstein A. A people reborn: the story of North Ossetia / A. Rotstein. London: Lawrence & Wishart, 2019 431 p.

[2]Аксенова Я.А. Все ли правильно понимают к чему призывает ислам? : [о заседание «круглого стола» с участием представителей мусульманского сообщества, а также обществ. и нац. орг. Моздокского р-на] / Я.А. Аксенова // Моздокский вестник. 2014 1 марта. С. 2.; Цховребова Д.И. История родного села как частичка истории Отечества: [об основании с. Ногир Пригородного р-на] / Д.И. Цховребова // Фидиуæг. 2014 26 апр. С. 4.; Цховребова Н.Т. В Пригородном районе вспоминали трагические события осени 1992-го года : [осет.-ингуш. конфликте] / Н.Т. Цховребова // Фидиуœг. 2014 1 нояб. С. 1.; Цховребова Н.Т. Осетинский аул и его традиции. URL.: http://iratta.com/2007/08/27/vremja_i_process_obrazovanija_selenijj.html (дата обращения 30.12.2019).

А.Е. Арешев, Е.Г. Семерикова, а так же публикации с электронных ресурсов[1].

А.К. Аликберов; В.О.Бобровников; А.К. Бустанов; Р. Бухараев;
Н.М. Емельянова; Ф. Корли; А.В. Малашенко; С. Хантер осмысливают в своих исследованиях особенности развития ислама в России. В наибольшей степени ценность для данной ВКР представляют труды Н.М. Емельяновой и М.В. Малашенко, которые занимаются проблематикой развития ислама на Северном Кавказе, в том числе – и в Северной Осетии[2].

В работах отечественных и иностранных исследователей В.З. Акопяна, М.Р. Арсанукаева, М.А. Аствацатуровой, М.М. Блиева, Н.Г. Бондаренко, А.Н. Гиль, Д.Н. Гречишко, А.Х. Даудова, Ю.Д. Джабраилова, И.Д. Ибрагимова, М.Е. Колесниковой, Ф.М. Кулиева, Ю.О. Рясной, А.К. Шабацюк, Ю.Ю. Карпова, Д.С. Кокорхоевой, С.И. Линец, Н.К. Лысенко, Э. Маршалл, И. Молодиковой, Е.Х. Наскидаевой, С.К. Осипова, Т.Г. Письменной, М.В. Пономаренко, А.Н. Рябикова,

[1]Емельянова Н.М. Тайное и явное в северокавказском исламе. URL.: http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0030.shtml (дата обращения 14.03.2020); Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.; Bukharaev R. Islam in Russia: The Four Seasons. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. 356 p.; Corley F. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader. New-York: NYU Press, 2016. 320 p.; Hunter S. Islam in Russia: The Politics of Identity and Security. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2016. 562 p.; Wimbush E. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. Los-Angeles: University of California Press, 2015. 195 p.

[2] Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., испр. и доп. / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир»/А.К. Аликберов, В.О. Бобровников, А.К. Бустанов. М.: ИВ РАН, 2018. 456 с.; Емельянова Н.М. Тайное и явное в северокавказском исламе. URL.: http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0030.shtml (дата обращения 14.03.2020); Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.; Bukharaev R. Islam in Russia: The Four Seasons / R. Bukharaev. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. 356 p.; Corley F. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader / F. Corley. New-York: NYU Press, 2016. 320 p.; Hunter S. Islam in Russia: The Politics of Identity and Security / S. Hunter. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2016. 562 p.; Wimbush E. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union / E. Wimbush. Los-Angeles: University of California Press, 2015. 195 p.

С.М. Теммоева, В.В. Трегубенко, Э. Уотта, Э.А. Шеуджена, З.У. Цораева, В.Г. Шнайдера изучаются различные аспекты этно-конфессиональной политики в Северокавказском регионе[1].

Кроме того, в работе использованы научные труды зарубежных ученых П. Кенеза и М. Лэуина, посвященные

[1] Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920-1940 гг. Монография. Ростов-на-Дону, 2010. 170 с.; Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении армянской апостольской церкви на Юге России в 1917-1941 гг. Монография. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160 с.; Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении лютеранских приходов Северного Кавказа в 1920-1930-е годы // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27. №. 4. С. 604-610; Акопян В.З. Конфессиональная политика советского государства в период «Великого перелома» (1930-е гг.) // Университетские чтения – 2017. Пятигорск: ПГЛУ. Часть X. 2017. С. 83-88; Акопян В.З. Конфессиональная политика государства в отношении католических приходов Юга России в период НЭПа // Университетские чтения – 2017. Пятигорск: ПГЛУ. Часть X. 2017. С. 41-50; Акопян В.З. Конфессиональная политика советского государства в отношении этнорелигиозной группы меннонитов Юга России в период нэпа (1920-е гг.) // Университетские чтения – 2018. Пятигорск: ПГЛУ. Часть X. 2018. С.74-83; Акопян В.З. Политика центральных и региональных советских властей в отношении Северокавказских немцев-меннонитов в 1930-е гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории: сборник. науч. тр. Саратов, 2019. Вып. XI. 182 с. С. 23-33; Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2010. 264 с.; Аствацатурова М.А., Голобородько А.Ю. Качество современных межэтнических и межрелигиозных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 80-83; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.; Бондаренко Н.Г., Колесникова М.Е., Рясная Ю.О. К вопросу об изучении Северного Кавказа (1920-1930 гг.) // Армия и общество. 2015. №4 (47). С. 22-28; Даудов А.Х. Горская АССР. Очерки социально-экономической истории. 1921–1924 гг. СПб.: Издательский Центр «Академия», 1997. 275 с.; Джабраилов Ю.Д. Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе // Власть. 2014. № 12. С. 12-20; Ибрагимов И.Д. Перспективы развития исламского образования в современных условиях // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI в. Материалы XII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 46-50; Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности / Под ред. М.Р. Арсанукаевой, А.Н Гиля, А.К. Шабацюка. Люблин-Майкоп: Издательство КУЛ, Издательство Института Центрально-Восточной Европы в Люблине, 2014. 266 с.; Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20 – 30-е гг. XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.; Кокорхоева Д.С. Из истории организации комиссии по национальной политике РКП (б) – ВКП (б) на Северном Кавказе: мотивы создания и роль в системе управления автономиями (1924-1927) // Научная мысль Кавказа. 2018. №4 (96). С. 16-27; Кулиев Ф.М. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: Владикавказ, 2013; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943). Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.; Лысенко Н.К. «Горский мир» как феномен цивилизации // Северная Осетия. 2014. 3 сент.; Наскидаева Е.Х. Исторический опыт российско-кавказского межконфессионального взаимодействия (середина XVIII–

изучению советского периода российской истории, в которых так же содержится важная информация, связанная с темой ВКР[1].

Объектом исследования данной ВКР является изучение истории ислама на территории Северной Осетии в 1920-2010–х гг. в контексте государственно-конфессиональной политики и межконфессиональных отношений.

Предмет исследования данной ВКР – ключевые вопросы истории ислама в Северной Осетии в советский и постсоветский периоды в системе государственно-конфессиональной политики и межконфессиональных отношений.

Цель исследования: анализ истории ислама в Северной Осетии в советский и постсоветский периоды (1920

начало XX вв.): Монография. Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2014. 131 с.; Осипов С.К. Религиозный фактор в эволюции политической системы России // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 144-150; Осипов С.К., Парастатов С.В. История появления ислама и развитие духовного образования в России до 1917 г. // Университетские чтения-2018. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 67-73; Письменная Т.Г., Рябиков А.Н., Гречишко Д.Н. Особенности конфессиональной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. №1. С. 92-99; Теммоев С.М. Национальная и федеративная политика советского государства на Северном Кавказе: исторический опыт: 1917-1937 гг. // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2010. 27 с.; Трегубенко В.В. Взаимодействие Совета по делам религиозных культов с неправославными религиозными объединениями на Ставрополье и Кубани на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944-1945) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 26-31.; Шеуджен Э.А. Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. №3. С. 23-30; Цораев З.У. Социальные и духовные основы цивилизационного пространства Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11(50). С. 59-66; Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир: Риц Агпу, 2007. 416 с.; Северный Кавказ в СССР. Советское время. URL.: https://ncau.ru/29/ (дата обращения 13.12.2019); Россия и Кавказ: противоречивые дискурсы истории. URL.: http://caucasustimes.com/ru/rossija-i-kavkaz-protivorechivye-dickur/ (дата обращения 22.11.2019); Marshall A. The Caucasus Under Soviet Rule / A. Marshall. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. 402 p.; Molodikova I., Watt A. Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies). Abingdon-on-Thames: Routledge, 2019. 224 p.

[1]Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy/ P. Kenez. London: Cambridge University Press, 2017. 388 p.; Lewin M. The Soviet Century / M. Lewin. Manchester: Verso, 2018. 432 p.

г. – начало XXI в.) в системе государственно-конфессиональной политики и межконфессиональных отношений и сопоставление данного процесса с тенденциями, характерными для состояния ислама в России в целом и на Северном Кавказе в исследуемый период.

На основании сформулированной цели исследования были определены практические **задачи**:

– рассмотреть основные этапы распространения ислама среди осетин и особенности вероисповедания мусульман в Осетии;

– проанализировать деятельность мусульманских религиозных организаций в Северной Осетии в постсоветский период;

– исследовать особенности конфессиональной политики государства в 1920-1930-е гг. и в период Великой Отечественной войны на территории Северной Осетии;

– рассмотреть конфессиональную политику республиканских органов власти в послевоенные десятилетия (1940-1980-е гг.);

– осмыслить новый уровень взаимоотношений государства и религиозных организаций в постсоветский период;

– охарактеризовать взаимодействие мусульманских организаций с другими конфессиями республики и участию мусульман Северной Осетии в миротворческой деятельности на Кавказе.

Теоретико-методологические основы базируются на использовании в данной ВКР метода сравнения и сопоставления, диалектического подхода и

сопоставительного анализа, которые позволяют изучить проблему с различных точек зрения, и обеспечивают, тем самым, большую объективность в исследовании. Кроме того, в данной работе было использовано комбинирование конкретно-исторического и системного подходов, а так же исторического и логического анализа, которые необходимы при обработке значительного количества исторических источников и научной литературы, использованных в ВКР. По этой же причине в работе использованы сравнительный и обобщающий методы, а так же метод изучения статистических данных.

Теоретическая и практическая значимость работы основана на использовании широкого массива нормативных документов и прочих видов исторических источников, а так же основных научных трудов по исследуемой проблеме.

Практическая значимость данной ВКР заключается в том, что ее материалы могут быть использованы студентами-теологами, проходящими обучение по направлению подготовки: 48.03.01 профиль: государственно-конфессиональные отношения (с исламским блоком дисциплин) при написании курсовых работ, практикоориентированных проектов и рефератов по таким учебным дисциплинам, как «История религий», «История ислама в России», «Конфессиональная история в регионе», «История и культура народов Северного Кавказа», «Основы социальной концепции ислама в России».

На основе данной ВКР был разработан инновационный проект «Создание этно-конфессиональной деревни «Нæ Бæстæ»», который прошел апробацию на конкурсе проектов

«Молодая наука-2020» в Пятигорском государственном университете в апреле 2020 г.

Структура работы сформирована в соответствии с ее целью и задачами. ВКР состоит из введения, трех глав (в каждую из которых входят по два параграфа), заключения и библиографического списка.

Глава 1. Место и роль ислама в религиозной жизни Северной Осетии

1.1. Этапы распространения ислама среди осетин. Особенности вероисповедания мусульман в Осетии

Проблема распространения ислама среди осетин до сих пор является предметом научных дискуссий. Тем не менее, следует отметить, что ознакомление алан с исламом началось в период первых завоевательных походов арабов на Северный Кавказ в VII в. Однако, активное распространение мусульманской веры среди осетин началось лишь через несколько столетий – по той причине, что аланы поддержали Хазарский каганат в его борьбе с арабскими завоевателями. Историки допускают возможность в тот период перехода в ислам отдельных осетин – но весьма в незначительных количествах, т.е., мусульмане-осетины в тот период были неспособны оказать существенное влияние на развитие культуры и бытового уклада аланского этноса. Кроме того, в X столетии Аланское Царство, под влиянием Византийской империи, приняло христианство православного толка в качестве государственной религии, что, безусловно, в еще большей степени затруднило проникновение ислама в осетинскую среду.[1]

В конце XIV в. кабардинцы, народ адыгской группы, стали продвигаться на восток из среднего Прикубанья, занимая свободные земли в границах современных Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – там, где не так давно расселялись аланы, вытесненные с равнинных территорий в горные области. К

[1]Дзеранов Т.Е. История принятия ислама в Осетии (Алании) / Т.Е. Дзеранов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-6. С. 15.

XVI в. у кабардинцев окончательно закрепляется ислам суннитского толка. В этот период от кабардинцев ислам перинимали чаще всего те осетинские общества, которые проживали на территориях, граничащих с Кабардой. Характерной чертой этого процесса был тот факт, что первоначально исламизация коснулась преимущественно политической элиты Осетии, в особенности – особенно дигорских и тагаурских аристократов (именно их владения граничили непосредственно с Кабардой), а затем – зависимых от них крестьян. В первой половине XVIII в. в Осетии уже существовал ряд населенных пунктов (Кобан, Кора-Урсдон, Караджаево-Хазнидон, Донифарс и др.), жители которых в подавляющем большинстве были приверженцами ислама.

Вторым фактором, повлиявшим на распространение ислама среди осетин, по мнению некоторых исследователей (в частности, Ф.М. Таказова) послужило монгольское завоевание Северного Кавказа. В XIII столетии территория Алании вошла в состав Золотой Орды (Улуса Джучи) – державы, созданной внуком Чингисхана Бату (Батыем), и отделившейся от Монгольской империи. Земли современной Северной Осетии были включены в один из десяти военных округов Улуса Джучи – Ирхан. В начале XIV в. золотоордынские ханы сделали ислам государственной религией своего государства; в том же столетии представители осетинского этноса принимали ислам именно под воздействием Золотой Орды – причем, это совершалось на добровольной основе, так как в Улусе Джучи придерживались установленной еще Чингисханом политики веротерпимости. Скорее всего, осетины переходили в

государственную религию Орды под воздействием контактов с мусульманами – жителями Улуса Джучи. Однако количество осетин-мусульман, принявших данную религию под ордынским влиянием, было весьма незначительным.[1]

В 1774 г. Осетия добровольно вошла в состав Российской империи. Вначале осетинской элите, состоявшей преимущественно из мусульман, были предоставлены немалые льготы и преимущества. Однако по мере укрепления позиций царских властей на Кавказе, они стали отменяться Горская аристократия, опасавшаяся лишения сословных привилегий, решила вместе с зависимыми крестьянами переселиться на территорию Османской империи (мухаджирство – от арабского слова «переселение). Численность переселившихся осетин составила, тем не менее, не более десяти тысяч человек. Несмотря на активные попытки царских властей ослабить в Осетии влияние ислама, процент осетин-мусульман продолжал увеличиваться. Наблюдались частые случаи перехода осетин-христиан в ислам, что начало тревожить администрацию. В то же время следует отметить, что среди осетин на религиозной почве не возникало серьезных противоречий.[2]

С целью ослабления влияния ислама на остальных осетин по указанию царских властей осетины-мусульмане были сконцентрированы в отдельных селах, в результате чего возникли чисто мусульманские населенные пункты (Магометановское, Лескен, Эльхотово, Тулатово, Заманкул и др.). Но расселение на равнине по конфессиональному

[1]Таказов Ф.М. Ислам в системе традиционной культуры осетин (XVIII - начале XX вв.) / Ф.М. Таказов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, 2007. С. 12.
[2]Торчинова М.Н. Суннитская мечеть: [история] / М.Н. Торчинова // Модный Владикавказ. 2014. Апр.(№ 4). С. 114.

признаку не мешало этнокультурному единению выходцев из разных ущелий и формированию современной осетинской нации. Часто среди мусульман и христиан были представители одной фамилии, сохранявшие родственные связи. Религиозные различия не мешали заключению браков между представителями разных конфессий и формированию семей, члены которых могли исповедовать различные религии.[1]

Для создания лояльной прослойки среди мусульман Кавказа российская администрация начала привлекать на свою сторону наиболее уважаемых в народе мулл и казиев, которых втайне брала на содержание. Выделялись средства на постройку мечетей, при них открывались школы, учащиеся которых воспитывались лояльно по отношению к русской власти. Однако попытки упорядочить мусульманскую систему в Осетии не имели успеха и даже в начале XX в. она оставалась хаотичной.[2]

Необходимо констатировать, что, в целом, на территории Осетии мусульмане составляли меньшинство. Это подтверждается примером демографической ситуации во Владикавказе, который был основан в 1784 г. К началу XX в. в городе проживало свыше 53 тысяч человек. Мусульмане во Владикавказе составляли немногим более 15% населения. При этом, примерно 12% из них составляли сунниты (преимущественно – осетинского происхождения, а так же ингуши, татары, кумыки, кабардинцы, аварцы), а около трех с половиной процентов – шииты, представленные, в основном

[1]Наскидаева Е.Х. Исторический опыт российско-кавказского межконфессионального взаимодействия (середина XVIII– начало XX вв.) : [монография] / Е.Х. Наскидаева ; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2014. С. 62.
[2]Hunter S. Islam in Russia: The Politics of Identity and Security / S. Hunter. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2016. P. 216.

персами и кавказскими татарами (азербайджанцами), часть из которых, впрочем, в Осетии так же являлась суннитами. Сунниты и шииты были объединены в религиозные общины со своими мечетями. К примеру, важным суннитским мусульманским храмом Владикавказа являлась мечеть Мухтарова (Суннитская мечеть), построенная в первом десятилетии XX в.; а шиитским – Персидская (Шиитская) мечеть, основанная еще в 1870-е гг. Эти два исламских культовых сооружения являлись центрами обеих мусульманских общин города. Важно отметить, что от общей суннитской общины, с согласия властей, в 1909 г. отделились казанские и пензенские татары, создавшие свой молитвенный дом и отдельное мусульманское кладбище. О численности осетин-мусульман в Осетии в этот период нет данных, однако, по мнению авторов коллективного труда «Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности», на основании косвенных доказательств можно утверждать, что процент приверженцев ислама среди осетин составлял более 25%.[1]

Исламские общины Осетии активно занимались просвещением верующих в религиозном ключе. В конце XIX – начале XX вв. осетинские исламские среднеобразовательные учреждения, как и на всей территории Северного Кавказа, делились на два типа. Первым из них являлась мактаба («мектеб») – низшая религиозная школа. Ее название произошло от арабского слова, в буквальном переводе на русский язык означающего – «место, где пишут», которое использовалось в качестве термина для обозначения как

[1]Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности / Под ред. М. Арсанукаевой, А. Гиля, А. Шабацюка. Люблин-Майкоп: Издательство КУЛ, Издательство Института Центрально-Восточной Европы в Люблине, 2014. С. 212.

школы, так и письменного стола. Однако, важно отметить, что с X в., термин «мактаба» («мектеб»), преимущественно, все же применялся, как слово, означающее «начальная школа» или «средняя школа».[1]

В мактаба не определялось время прохождения курса и не существовало разделения на классы. Прохождение обучения здесь осуществлялось по периодам от усвоения одного книги (или учебного пособия) до изучения другой, что было равносильно переходу из класса в класс. В мактаба обычно был один, реже – два преподавателя, которые обучали детей арабскому алфавиту и умению читать Коран. Заучивались наизусть суры Корана, молитвы и некоторые поэтические произведения на родном языке. Срок обучения в мактаба составлял 3-5 лет, в зависимости, как от способности ученика, так и от опытности преподавателя.

Учебные заведения подобного типа на территории Северной Осетии располагались, в основном, в указанных выше населенных пунктов, преимущественно населенных осетинами-мусульманами (например – в селе Вольно-Магометановском, населенном пункте, в который были выселены осетины исламского вероисповедания из аулов Стур-Дигора, Ахсау, Махческ, Галиат, Фаснал и Дур-Дур), и во Владикавказе. При этом, образование в мактабах могли получать и взрослые.[2]

Вторым типом мусульманских среднеобразовательных учреждений являлась мадраса (медресе) – учебное заведение повышенного типа, берущее свое название от арабского слова «мадраса», которое переводится на русский, как

[1]Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 77. 2
[2]История Осетии. XX век / Под ред. А.Л. Дзасохова. М.: Наука, 2003. С. 101.

«место учения». По существу, мадраса выполняла функцию педагогического учреждения. В таком учебном заведении учащиеся получали полное религиозное среднее образование. Иными словами, они являлись исламскую духовную семинарию[1].

В данных учебных заведениях изучали, в обязательном порядке, правильную орфоэпику (т.е. – правильное произношение слов) и толкование Корана и Сунны (Священного Предания мусульман, повествующего о деяниях Пророка Мухаммеда), хадис (изречение), т.е. – исламское предание и историю исламского мира. Так же в мадраса проходили такие учебные дисциплины, как арабский язык и литература, фикх (в переводе с арабского – «знание», «понимание») – нормы исламского права, акида («воззрение», «убеждение», «кредо») – комплекс мусульманских догм, объясняющих истинность исламской веры, и калам («слово», «речь») – логическое объяснение сути ислама. При этом, обучение выстраивалось в лекционной форме, а так же на принципах постоянного диалога между педагогом-наставником и его учениками. Мадраса функционировали при мечетях, в основном – во Владикавказе.[2]

Чтобы не допустить распространение ислама среди осетин-христиан, в 40-х годах XIX века царская администрация решила отделить осетин-мусульман от их христианских собратьев и создать для них обособленные по конфессиональному принципу селения. По мнению российских администраторов, для этого существовали

[1]Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). Изд. 2-е, испр. и доп. / Б.А. Калоев. М.: ГРВЛ. 1971. С. 54.
[2]Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности / Под ред. М. Арсанукаевой, А. Гиля, А. Шабацюка. С. 219.

серьезные причины. Необходимо было ослабить позиции дигорских владельцев-баделят (аристократов-землевладельцев), и попытаться установить больший контроль над Дигорией через принявших православие осетин. Однако дигорцы, проживавшие по соседству с Большой Кабардой, научились ладить с кабардинцами периодически одаривая кабардинских князей. Разбросанные небольшими общинами по ущельям, дигорцы не могли нарушать правил, навязываемых более сильным соседом. Дигорские баделята, в основе своей мусульмане, выступали на стороне кабардинских князей как в силу религиозной общности, так и желанием упрочить свое положение среди дигорцев[1].

Февральская революция 1917 г. существенно повлияла на жизнь мусульман Северного Кавказа в целом, и Северной Осетии, в частности. Из среды осетин-мусульман вышло немало политических деятелей, сыгравших большую роль в мусульманском движении периода революции. В их числе А.Т. Цаликов, занимавший пост председателя Исполнительного комитета (Исполкома) Всероссийского мусульманского совета. В марте 1917 г. были организованы органы Временного правительства на Тереке и в Дагестане[2].

28 апреля 1917 г. в Баку был созван съезд мусульман Закавказья и Северного Кавказа, на котором духовные лидеры регионов договорились о более тесном

[1]Rotstein A. A people reborn: the story of North Ossetia / A. Rotstein. London: Lawrence & Wishart, 2019. P. 50.
[2]Баликоев А.Т. Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования / А.Т. Баликоев // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. С. 6.

сотрудничестве. Также было принято решение о срочном созыве во Владикавказе съезда горцев Северного Кавказа.[1]

В революционной Северной Осетии политические противоречия начали перерастать в межнациональное и межконфессиональное противостояние еще до свершения Октябрьского переворота, а к 1918 г. они вылились в полномасштабную гражданскую войну[2].

Летом 1917 г. в Дигории помещик И.Л. Карабугаев и полковник
А.С. Туганов собрали в пятничной мечети селения Вольно-Магометановское местное население, призывая осетин мусульманского вероисповедания на борьбу с православными осетинами и казаками. Организаторы мятежа утверждали, что жители соседнего селения Вольно-Христиановское совместно с русскими готовятся напасть на мусульманские селения Северной Осетии. В результате было принято решение оповестить по тревоге все ближайшие кабардинские и осетинские мусульманские аулы о грозящей им опасности, призвать население немедленно взяться за оружие. Предотвратить братоубийственное столкновение удалось с большим трудом[3].

Осетины-мусульмане в подавляющем большинстве активно поддержали большевистский переворот в октябре. Однако это событие вызвало большую тревогу среди мусульманского духовенства. Имамы и муллы выступили

[1]Теммоев С.М. Национальная и федеративная политика советского государства на Северном Кавказе: исторический опыт: 1917-1937 гг. / С.М. Теммоев // Афтореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2010. С. 4.
[2]Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия / В.Г. Шнайдер. Армавир: Риц Агпу, 2007. С. 88.
[3]Lewin M. The Soviet Century / M. Lewin. Manchester: Verso, 2018. P. 53.

против большевиков, говоря, что они «не признают религию… дают женам права мужей».[1]

Большевики были весьма заинтересованы в союзе с мусульманами, старались привлечь их на свою сторону с целью укрепления своих непрочных пока позиций в регионе. 1 декабря 1917 г. А.Т. Цаликов, занимавший пост председателя Исполнительного комитета (Исполкома) Всероссийского мусульманского совета, был приглашен в Смольный для беседы с И.В. Сталиным, народным комиссаром (наркомом) по делам национальностей (Наркомнац) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). И.В. Сталин, заявил, что не требует от Исполкома мусульман заявления о солидарности: единственное, чего хотелось бы советской власти – это лояльности со стороны исламского сообщества России.[2]

Развивая идею о возможных отношениях, он высказал предположение, что данные отношения могут осуществляться по трем направлениям: образование единого комиссариата по мусульманским делам, в состав которого вошли бы представители всех крупных мусульманских народов; назначение на пост комиссара по мусульманским делам мусульманина-социалиста по представлению мусульманских организаций в лице Исполнительного комитета; в случае несогласия с двумя вышеуказанными пунктами, сохранение периодичных контактов для

[1]Marshall A. The Caucasus Under Soviet Rule / A. Marshall. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. P. 127.
[2]Баликоев А.Т. Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования / А.Т. Баликоев // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. С. 3.

«безболезненного урегулирования различных мусульманских вопросов, возникающих в процессе революции».[1]

События развивались по первому варианту: в составе Наркомнаца был создан Комиссариат по делам мусульман (Центральный Мусульманский комиссариат – ЦМК). Декрет СНК №144 «Об учреждении Комиссариата по делам мусульман» был подписан в Петрограде 17 января 1918 г. председателем Совета Народных комиссаров (СНК) В.И. Лениным, И.В. Сталиным, управляющим делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем. Комиссаром по делам мусульман был назначен член бывшего Учредительного собрания от Казанской губернии М.М. Вахитов, а его товарищами – члены бывшего Учредительного собрания от Уфимской губернии Г.Г. Ибрагимов, от Оренбургской губернии – Ш.А. Манатов[2].

На начальном этапе ислам не представлял для партии большевиков реальной угрозы. Более того, мусульманам предполагали объединить усилия по борьбе с главным для советской и сильным противником – Русской Православной Церкви (РПЦ), с которой они вели бескомпромиссную борьбу с первых месяцев пребывания у власти, отделив Церковь от государства, а школу – от Церкви[3].

Разыгрывая «мусульманскую карту», новая власть преследовала несколько целей: привлечь мусульман, как активную часть общества, на свою сторону; использовать их в

[1]Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 17 (30) января 1918 г. об учреждении Комиссариата по делам мусульман. URL.: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9838-17-30-yanvarya-dekret-ob-uchrezhdeniikomissariata-po-delam-musulman (дата обращения: 3.11.2019).

[2]Акопян В.З., Магометов А.А. Формирование и начальный этап деятельности структурных подразделений по делам национальных меньшинств Наркомнаца на Юге России / В.З. Акопян, А.А. Магометов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015. Т. 25. № 4. С. 83.

[3]Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 28 января 1918 г. URL.: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/ (дата обращения: 13.12.2019.

качестве средства пропаганды идей большевизма и социализма на страны Востока; устранить таким образом, возможные препятствия в проведении как внутри, так и внешнеполитической линии; использовать мусульман в борьбе с другими конфессиями и социальными слоями немусульманского общества. Во внутренней политике ЦМК и его отделы проводили линию на «классовое расслоение мусульманских народностей» и «окончательное подавление мусульманской буржуазии».[1]

В ходе Октябрьской революции осетины-мусульмане приняли активное участие в работе конфессиональных организаций, таких, как Всероссийский Мусульманский Совет (ВМС), Всероссийский Мусульманский военный Совет (ВМВС), Национальный Парламент Мусульман Внутренней России, Сибири и башкирского Курултая (НПМВРСБК) и др. Опираясь на ЦМК, партия большевиков занялась устранением с политической арены этих организаций. Вместо них в губернских и уездных городах, селах и деревнях создавались «органы пролетарской власти» в лице Советских мусульманских комиссариатов в городах и Советов деревенской бедноты – в сельской местности.[2]

Таким образом, распространение ислама в Осетии началось еще в XIV в., однако это процесс затянулся на несколько столетий. Определяющим в этом процессе оказался кабардинский фактор. Хотя мусульмане на территории Осетии всегда составляли меньшинство; тем не менее, они играли значительную роль и внесли немалый

[1]Цит. по: Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917-1943 гг.): сборник документов / Сост. Б.А. Синанов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 34.
[2]Гобети З.Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20 - 30 - е годы XX века / З.Б. Гобети // // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. С. 12.

вклад в развитие культуры и системы образовательных учреждений своего этноса. Октябрьская революция внесла изменения в жизнь осетин-мусульман (равно, как и всех их единоверцев на территории России). Терпимое отношение большевиков к исламу объяснялось желанием использовать исламскую религию в борьбе с РПЦ и другими своими противниками.

1.2. Мусульманские религиозные организации в Северной Осетии в постсоветский период

В 1990 г. было организовано Духовное управление мусульман Северной Осетии (ДУМСО). Первым муфтием Северной Осетии был избран Д.-Х. Хекилаев, отличавшийся высоким уровнем знаний по исламской теологии. Данное назначение было закономерным, так как духовным лидером мусульман в республике стал человек, который долгие годы добивался восстановления прав исламской религии в Северной Осетии.

На первых порах муфтию пришлось столкнуться с большими трудностями в плане утверждения исламских устоев в республике. Одной из проблем, которую стремился преодолеть Д.-Х. Хекилаев, стала борьба с мировоззренческой индиффирентностью его земляков-единоверцев (как и последователей остальных конфессий). Разрушение советской идеологической системы, которая, в свою очередь, нанесла большой ущерб религиозному сознанию жителей

республики (как и во всем бывшем СССР), привело к дезориентации в среде мусульман.[1]

Муфтию Северной Осетии пришлось учитывать и такой сложный вопрос, как политизация ислама в России, существовавшую уже в начале 1990-х гг. Это было связано с тем, что уже в период горбачевской «перестройки» 1985-1991 гг. произошло крушение так называемого «железного занавеса» (информационного, политического и пограничного барьера, который изолировал СССР и другие социалистические страны от стран Запада в годы «холодной войны» 1940-1980-х гг.). Данный факт обеспечил свободный доступ на территорию России многочисленным мусульманским проповедникам с Ближнего Востока. Арабские страны (в первую очередь – Саудовская Аравия) и Турция (особенно среди тюркоязычных народов) выступили важной составляющей внешнего воздействия на ислам в России, в первую очередь – на Северном Кавказе. При этом, исламские проповедники преимущественно придерживались идей религиозного фундаментализма, идеология которого в различных интерпретациях основана на обращении к религиозному, социальному и политическому опыту раннего ислама времен Пророка Мухаммеда и радикальному очищению мусульманской веры от «бида» (в переводе с арабского – новшеств, нововведений). Кроме того, их главной целью было создание всемирного исламского халифата и уничтожения всех иноверцев. Данные религиозные деятели пользовались всемерной поддержкой в Чеченской Республике, в которой в начале 90-х гг. XX в. господствовал

[1]Артур Цуциев об этнополитической и религиозной ситуации в Северной Осетии. URL.: https://caucasustimes.com/ru/artur-cuciev-ob-jetnopoliticheskoj-i-religioznoj-situacii-v-severnoj-osetii/ (дата обращения 4.12.2019).

экстремистский по своей сути режим генерала Д.М. Дудаева, фактически не подчинявшегося российскому федеральному центру. В связи с этим, существовала угроза проникновения подобных идей и в другие республики Северного Кавказа, в том числе – и в Северную Осетию.

Д.-Х. Хекилаев отдавал себе отчет в реальности подобной угрозы, и старался установить жесткую форму исламской организации, чтобы не допустить радикализма и терроризма на территорию республики. Он неоднократно обращался к первому президенту Республики Северная Осетия-Алания (РСО-Алания) А.Х. Галазову и членам республиканского правительства с просьбой о поддержке в решении столь сложной проблемы.[1]

Однако, по утверждению российского этнолога и историка Д.З. Хайретдинова, официальные представители государственных структур Северной Осетии, воспитанные советской атеистической школой, не желали на первых порах вникать глубоко в проблемы духовной и социальной жизни мусульманских общин (как и прочих религиозных групп республики), и не оказывали им должной финансовой поддержки. Власти республики в большей степени были озабочены развитием в Северной Осетии профессионального спорта, чем духовной сферы (образования, искусства и религии)[2].

Кроме того, в 1990-1991 гг., по причине крайней малочисленности исламской общины во Владикавказе и отсутствии необходимой инфраструктуры, ДУМСО РСО-Алания республики располагалось в селе Чикола (бывшее

[1]Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 275.
[2]Хайретдинов Д.З. Ислам в Осетии. Информационный материал Исламского конгресса России / Д.З. Хайретдинов. М.: Эксмо, 1997. С. 78.

село Вольно-Магометановское), в котором проживало крупнейшая на тот момент мусульманская община Северной Осетии. В конце 1991 г. ДУМ было передислоцировано в столицу республики, однако, за весь период пребывания Д.-Х. Хекилаева на посту муфтия, влияние чикольской общины оставалось весьма значительным, и сам духовный лидер северо-осетинских мусульман большую часть времени проводил в Чиколе. При этом, к началу XXI в. неофициальным мусульманским центром Северной Осетии стал город Беслан, более 70% жителей которого, т.е. более 24 500 бесланцев из в общего количества в, примерно, 35 000 человек, исповедовали ислам (количественно, мусульман во Владикавказе было больше, но в процентном отношении они составляли меньшинство населения в столице республики).[1]

Работа первого муфтия Северной Осетии осложнялась и тем, что действия отдельных мусульман и даже некоторых членов ДУМ часто способствовали созданию негативного отношения к исламу в республике. Усилия муфтия нередко нивелировались членами ДУМ, часть из которых не удержалась от нецелевого использования довольно скромных бюджетных средств исламской общины. В общину вошли люди, на деле далекие от религии, и намеревающиеся использовать ислам в корыстных целях.[2]

Мусульманская молодежь в качестве протеста начала объединяться вокруг поддерживавших религиозный экстремизм таких же молодых духовных лидеров. Наиболее одиозными из них являлись Е.Б. Тегаев, руководитель

[1]Вердиев Р.Т. Особенности современной Осетии / Р.Т. Вердиев. М.: АСТ, 2009. С. 89.
[2]Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние/ З.В. Канукова. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009. С. 44.

Исламского культурного центра во Владикавказе, а так же его заместитель Д.С. Мамиев. Они установили тесные связи (которые стали еще более интенсивными после начала первой войны в Чечне в 1994 г.) с миссионерами из соседних регионов и из иностранных государств (преимущественно – арабских). Эти контакты часто оставались вне всякого контроля со стороны муфтията. Духовный лидер мусульманской общины оказался не способен в одиночку противостоять этим тенденциям. Часть его окружения, либо не понимало серьезность сложившейся ситуации, а другие тайно сочувствовали экстремистам. Власти же республики, как отмечалось выше, вели себя крайне пассивно. Из-за рубежа и исламистских центров России (в первую очередь – из Чечни и Кабардино-Балкарии) в Северную Осетию фактически беспрепятственно поступала экстремистская религиозная литература. При этом, Д.-Х. Хекилаев стремился уладить все конфликтные ситуации путем увещевания, что воспринималась экстремистами, как слабость. Попытки муфтия урегулировать ситуацию наталкивались на активное противодействие членов возникших радикальных группировок. Дело часто доходило до конфликтов и прямых угроз духовному лидеру и его сторонникам.[1]

В начале 1990-х гг. в республике активизировалась миссионерская деятельность «ваххабистских» (салафитских) эмиссаров из Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии. Ваххабизм – (от арабского слова аль-ваххабийя) это религиозно-политическое направление в исламе, которое возникло в XVIII столетии на территории современной Саудовской Аравии (где он является государственной

[1]Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. С. 63.

религией) и направленное в тот период против Османской империи. Согласно учению создателя ваххабизма Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, постулатами ислама могут считаться лишь каноны, разработанные при жизни первых трех поколений последователей Пророка Мухаммеда. Все последующие постановления являются ересью, и должны искореняться (вместе с теми мусульманами, которые признают их – приверженцы «народного ислама» в трактовке ваххабитов) не менее последовательно и безжалостно, чем иноверцы. На протяжении столетий ваххабиты ведут упорную войну с народами, исповедующими классический ислам – суннизм и шиизм, и отличаются крайней нетерпимостью и чрезмерной жестокостью к инакомыслящим. Термин «ваххабиты» последователи Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба не признают, и именуют себя салафитами (от арабского слова «салафия» – предшественник), т.е., истинными приверженцами подлинного, неискаженного исламского учения. Распространение ваххабизма повлияло и на этноконфессиональую карту республики. С начала 90-х гг. XX в. наблюдался отток русского населения из Северной Осетии, опасавшегося ваххабитов. В то же время за счет миграции заметно увеличились местные общины чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев, таджиков и турок[1].

Проживая вдали от Владикавказа, часто болевший муфтий, не мог активно влиять на наиболее крупную и активную на начало XXI в. в Северной Осетии Владикавказскую общину мусульман. После кончины муфтия весной 2004 г. в Духовном управлении еще более усилилась.

[1]Емельянова Н.М. Тайное и явное в северокавказском исламе. URL.: http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0030.shtml (дата обращения 14.03.2020).

В результате долгих интриг и всевозможных уловок муфтием стал Р.Х. Валгасов – человек, который в бытность заместителем Х.-Г. Хекилаева обвинялся в растрате средств. К тому же он не обладал ни духовным, ни светским образованием. При новом главе Духовное управление фактически отошло от прямых задач. К тому же, Р.Х. Валгасов не стремился к установлению диалога не с прочими конфессиями РСО-А, ни с республиканскими властями, и зачастую подвергал критике федеральное руководство – в частности, во время трагических событий в Беслане осенью 2004 г. (данный аспект будет более подробно рассмотрен в третьей главе исследования).[1]

Сотрудники Института востоковедения Российской академии наук в течение 2004 г. исследовали ситуацию с мусульманскими организациями в РСО-А. Они указали на то, что внутри РСО-Алания, в том числе, и во Владикавказе, имеет место нарастание религиозной напряженности. Радикализация части верующих мусульман и дестабилизация внутриобщинных отношений в РСО-Алания, по их мнению, объяснялась следующими группами причин:

1. Поверхностное знание большей частью верующих основ мусульманской религии, слабая профессиональная подготовка части священнослужителей, миграционные процессы, отсутствие правовой базы для осуществления контроля за деятельностью радикальных исламских группировок.

2. Социально-политическая напряженность в регионе, деятельность на территории Кабардино-Балкарии,

[1]Рязанов В.Т. Мусульмане Осетии: работать на благо республики: [с заседания Совета Духовного управления мусульман республики] / В.Т. Рязанов // Северная Осетия. 2014. 23 янв. С. 1.

Ингушетии и Дагестана террористических группировок, стремящихся дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе и в частности в Осетии.

3. Системный кризис в масштабе всей страны, разрыв экономических и культурных связей между регионами, безработица и социальная дифференциация в обществе.

4. Глобальные или международные. Усиление роли мусульманских стран в международной жизни, активизация радикальных исламских течений и организаций, вмешательство их во внутренние дела России. Финансовая поддержка радикальных и террористических организаций региона из-за рубежа[1].

В республике все эти процессы не оставались незамеченными, и ДУМ превратилось в объект справедливой критики и нападок со стороны местных мусульман, и руководителей РСО-А. Муфтий не мог принимать активного участия на «круглых столах» и конференциях, посвященных проблемам религии в республике. В Северной Осетии начало складываться устойчивое мнение, что мусульманам свойственна малограмотность, корысть и неискренность в вере.

В январе 2005 г. министр РСО-А. по делам национальностей Т.С. Касаев обвинил Е.Б. Тегаева в пособничестве террористам, захватившим школу в Беслане в сентябре 2004 г. (данное событие будет более подробно проанализировано в третьей главе исследования), и неспособности муфтия контролировать мусульманскую общину. В результате, Е.Б. Тегаев и его ближайшие

[1]Остановить атаку на Православие в Осетии. URL.: https://tsargrad.tv/articles/ostorozhno-sekta-pravda-otradicionnoj-osetinskoj-religii_210387 (дата обращения 1.12.2019).

сподвижники, Д.С. Мамиев, З.Х. Зазоров и В.Ф. Чельдиев были осуждены за причастность к бесланской трагедии. При этом, муфтий, комментируя данные действия правоохранительной системы РСО-Алания, расценил их, как проявление произвола и дискриминации по отношению к мусульманам[1].

Однако, не только христиане-осетины, но и представители мусульманской уммы Северной Осетии подвергли критике муфтия и его окружение за отсутствие оказания материальной помощи пострадавшим (в отличие от властей республики). Кроме того, бесланская трагедия послужила для некоторых молодых осетин-мусульман поводом для перехода в православие. После террористического акта многие выжившие дети и родители тех, кто не выжил, крестились, несмотря на то что ранее считали себя мусульманами. Погибших бесланцев, в том числе и мусульман, хоронили по православному обряду. Значительное количество чеченских и ингушских студентов после бесланских событий покинули Владикавказ.

Таким образом, печальное событие, унесшее жизни сотен граждан, нанесло и серьезный репутационный ущерб ДУМСО Северной Осетии и лично муфтию, а так же спровоцировало новый всплеск ксенофобии[2].

Перечисленные выше причины привели к отстранению Р.Х. Валгасова и выборам нового главы ДУМСО в апреле 2005 г. Им стал имам Владикавказской соборной мечети Х.-М. Тавказахов, человек гораздо более жесткий и решительный,

[1]Hunter S. Ibid. P. 341.
[2]Келехсаев Р.К. Конфессиональные аспекты политического и социокультурного развития Осетии в условиях общественных модернизаций / Р.К. Келехсаев // Афтореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. С. 7.

чем два его предшественника, и, в то же время, способный наладить диалог с республиканским руководством. Новый муфтий умел изыскивать дополнительные средства путем обращения к республиканским предпринимателям и муниципальным образованиям. Получаемые от спонсоров и местных властей средства шли, в том числе, на организацию паломничества (хаджа) мусульманской молодежи Северной Осетии в Мекку – по словам Х.-М. Тавказахова, «…для личного ознакомления с исламскими святыням и сутью веры, причем не за счет недобросовестных псевдомусульманских деятелей из-за рубежа».[1]

В то же время, и Х.-М. Тавказахову не удалось искоренить проваххабистские симпатии в среде осетинской мусульманской молодежи. В 2006 г. на территории Северной Осетии начала свою террористическую деятельность группировка «Катаиб аль Хоул» («Бригады мощи»), созданная боевиком А. Дигорским, по кличке Абу Саад. Боевиками было совершено несколько крупных террористических актов (взрыв во Владикавказе 2 февраля 2006 г., убийство начальника республиканского управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) М.Х. Мерцаева). Посредством Интернет-сайтов «Катаиб аль Хоул» заявила о намерении отделить Северную Осетию и создать мусульманский вилайет Иристон (название Северной и Южной Осетии на осетинском языке) в составе Кавказского имарата (эмирата). Кроме того, районные мусульманские общины обвиняли муфтия в присвоении части спонсорских средств, и злоупотреблении своим положением (в частности,

[1]Осетины – мусульмане или христиане? Религия осетин. URL.: https://nlo-mir.ru/religia/43145-osetiny.html#a- 9 (дата обращения 18.12.2019).

оплате поездок в Мекку своим многочисленным родственникам из бюджета ДУМСО). Посчитав, что в подобной обстановке он не имеет права руководить исламской общиной республики, Х.-М. Тавказахов сложил с себя полномочия в феврале 2008 г[1].

Его преемником стал А.-Х. (С.М.) Евтеев, русский по отцу, и осетин по матери. В двадцатидвухлетнем возрасте он принял ислам под влиянием Е.Б. Тегаева, которого считал своим духовным наставником. А.-Х. Евтеев получил теологическое образование в медресе в Саудовской Аравии, и участвовал в создании «Осетинского джамаата». Возникшие в первые постсоветские годы джамааты[2] стали территориально-этническими объединениями, созданными для ведения подпольной вооружённой террористической деятельности первоначально в Чечне, а затем на территории Северного Кавказа и Поволжья. Однако, после окончания Каирского университета Ал-Азхар и Международного Университета в Медине А.-Х. Евтеев отказался от экстремистских взглядов Е.Б. Тегаева и постепенно стал склоняться к традиционному исламу (или, по его словам, к умеренному салафизму). Новый муфтий активно участвовал в научных дискуссиях, аргументированно отстаивал свою позицию, и обладал большим авторитетом, чем предыдущие главы ДУМСО. Ему удалось всего за два года изменить, в глазах общественности, мнение об исламской общине в положительную сторону. Однако, в мае 2010 г., в интервью журналистке Я.А. Амелиной, А.-Х. Евтеев

[1]Религия Осетин: Алания Информ. URL.: http://osinform.org/39008-religiya-osetin.html (дата обращения 10.12.2019).

[2] Джамаат (от араб. – община) – объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т. п.

чрезмерно резко отозвался о православии, как религии, и о православных священнослужителях. Его интервью имело весьма широкий резонанс, и, не смотря на официальные извинения, он был вынужден покинуть свой пост[1].

В июне 2010 – марте 2011 г. обязанности главы ДУМСО исполнял Х.Х. Гацалов, имевший значительный управленческий опыт в сфере государственного управления, занимая высокие должности в правительстве Северной Осетии. Кроме того, в 2008-2010 гг. он являлся заместителем главы ДУМ. 17 марта 2011 г. он был избран муфтием РСО-А (в 2016 г. переизбран). Х.Х. Гацалов, с самого начала управления муфтиятом, умело использовал свои управленческие навыки для наведения порядка в ДУМСО. Он исключил из состава Духовного управления сторонников радикального ислама, и заменил их имамами, наиболее последовательно придерживавшимися устоев традиционного ислама, а так же представителями молодого поколения, получившими теологическое образование[2].

Тем не менее, ему пришлось вести тяжелую борьбу с исламистами. В начале 2010-х гг. в республике был совершен ряд террористических актов, направленных против мусульманских общественных деятелей – противников ваххабизма. В мае 2011 г. был убит народный поэт, профессор Ш.Ф. Джикаев; в декабре 2012 г. произошло убийство заместителя муфтия РСО-А, имама соборной мечети Владикавказа И.А. Дударова, в августе 2014 г. – заместителя муфтия Р.М. Гамзатова, имама соборной мечети

[1]Аксенова Я.А. Все ли правильно понимают к чему призывает ислам? : [о заседание «круглого стола» с участием представителей мусульманского сообщества, а также обществ. и нац. орг. Моздокского р-на] / Я.А. Аксенова // Моздокский вестник. 2014. 1 марта. С. 2.
[2]Емельянова Н.М. Тайное и явное...

Владикавказа. Представители молодого поколения исламской общины Северной Осетии прошли обучение в военных лагерях радикальной организации Аль-Каида; около двух десятков молодых осетин-мусульман по положению на 2014 г. воевали на стороне международной экстремистской организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), запрещенной на территории РФ. Тем не менее, активная деятельность муфтия и его сотрудников позволила локализовать очаги распространения исламского фундаментализма в республике.

С 2015 г. террористическая деятельность в Северной Осетии пошла на спад вследствие как работы ДУМСО, так и эффективной антитеррористической деятельности правоохранительных органов. Часть боевиков была уничтожена или арестована в результате проведения специальных операций, часть эмигрировала на Ближний Восток.

Заметное влияние на этноконфессиональную ситуацию в республике оказывают миграционные процессы. Наметившееся тенденция к стабилизации экономической и политической ситуации в стране и северокавказском регионе будет содействовать улучшению межконфессиональной и внутриконфессиональной ситуации в республике, и, в частности внутри мусульманской общины[1].

В настоящее время в республике осуществляют свою деятельность
27 объединений мусульман, которые находятся в сфере полномочий Совета Духовного управления мусульман РСО-

[1]Рощин М.С. Ислам в Северной Осетии. URL.: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-150-3/978-5- 88431-150-3_25.pdf. (дата обращения 22.03.2020).

Алания. Общины мусульман находятся в городах Владикавказе, Беслане и Моздоке, селениях Заманкул, Зильги (Правобережный район), Карджин, Эльхотово (Кировский район), Чикола, Лескен (Ирафский район), Куртат, Майское, Тарское (Пригородный район), Кизляр, Предгорное, Хурикау (Моздокский район) и др. В мусульманских общинах республики все еще ощущается нехватка подготовленных, имеющих специальное образование священнослужителей, хотя их процент понемногу возрастает. Количество мусульман среди осетин составляет, примерно, 15% (т.е., около 70 тысяч человек). С учетом представителей других национальностей, исповедующих ислам (ингушей, кумыков, азербайджанцев, кабардинцев и др.), общее количество мусульман составляет чуть более двадцати процентов населения РСО-Алания (139-140 тыс. чел. по данным на начало 2020 г.).[1]

Деятельность мусульманской общины в Северной Осетии в начале 1990 – конце 2010-х гг. носила противоречивый характер. В начале данного периода началось духовное возрождение мусульманской религии (как и других конфессий) на территории республики, так и во всей России в целом. Для координации действий мусульман в Северной Осетии было создано Духовное управление и учрежден пост муфтия. Однако, с первых месяцев своего существования ДУМСО столкнулось с рядом серьезных затруднений, связанных с низкой религиозной грамотностью своих единоверцев, и отсутствием существенной поддержки со стороны республиканского руководства.

[1]Емельянова Н.М. Тайное и явное в северокавказском исламе. URL.: http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0030.shtml (дата обращения 14.03.2020).

По разным причинам, первые четыре муфтия, Д.-Х. Хекилаев, Р.Х. Валгасов, Х.-М. Тавказахов и А.-Х. Евтеев, оказались не в состоянии эффективно бороться с указанными проблемами. Они не сумели противостоять распространению в республике идей исламского экстремизма, и возникновению фактически параллельного мусульманского центра Северной Осетии Исламского культурного центра во Владикавказе, возглавляемого Е.Б. Тегаевым, вокруг которого сплотились наиболее радикальные представители североосетинской исламской уммы, а так же пресечь террористическую деятельность А. Дигорского (Абу Саада). Неэффективная деятельность муфтиев и их окружения, их просчеты и конфликты с властями республики нанесли серьезный ущерб репутации мусульманской общины Северной Осетии. Ситуацию сумел, хотя и с течением времени, выправить лишь действующий муфтий Х.Х. Гацалов, нашедший общий язык с руководством РСО-А, и предпринявший ряд решительных мер по борьбе с религиозным экстремизмом и повышению религиозной грамотности своих единоверцев.

Подводя итоги вопроса о месте и роли ислама в религиозной жизни Северной Осетии, следует подчеркнуть, что данная религия, распространившаяся среди осетин гораздо позже православия, никогда не являлась господствующей у осетинского этноса, однако на протяжении последних столетий играла определенную роль в его жизни. Приверженцы ислама внесли определенный вклад в развитие культуры и образования осетинского народа. В постсоветский период мусульманская община прошла через

процесс трансформации от сообщества, несущего потенциальную угрозу целостности и безопасности республики до стабильной и пользующейся общественным признанием и уважением религиозной организации, к которой относится, по меньшей мере, пятая часть населения Северной Осетии.

Глава 2. Деятельность государственных органов Северной Осетии среди мусульманских организаций в советский период (1920–1991 гг.)

2.1. Особенности конфессиональной политики государства в 1920-1930-е гг. и в период Великой Отечественной войны

После победы большевиков в Гражданской войне (весна 1920 г.), территория Северной Осетии вошла в состав образованной 20 января 1921 г. Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР). Однако, уже 7 июля 1924 г., на основании Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного комитета (ВЦИК) РСФСР, ГАССР была разделена на Северо-Осетинскую и Ингушскую автономные области, Сунженский округ.[1]

Владикавказ был превращен в самостоятельную административную единицу, которая находилась под непосредственным подчинением Северо-Кавказскому краю, как и все автономии Северного Кавказа. Осетины составляли в своей автономии абсолютное большинство населения (128,3 тыс. человек) из 148,6 тыс. жителей автономии[2].

В 1921 г. большевистское руководство учредило на территории ГАССР шариатские суды, объединенные в Совет шариатских судей, подчиненный Народному комиссариату юстиции. В состав Совета входили пять мусульманских

[1]Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об упразднении Горской Советской Социалистической Республики. 7 июля 1924 г. URL.: https://chechenlaw.ru/?p=198 (дата обращения: 11.11.2019).
3. 3
[2]Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920-1940 гг. Монография / В. Акопян. Ростов-на-Дону, 2010. С. 53.

законоведов от разных представителей горских народов, в том числе двое от чеченцев, а один от «дигорско-осетинского» (так в тексте документа – М.Б.) народа. В компетенции шариатских судов были делопроизводство как гражданского, так и уголовного характера, а так же рассмотрение кассационных жалоб[1].

Партия большевиков и советская власть с первых дней развернула борьбу с религиозными организациями и религиозным сознанием населения. Один из пунктов программы РКП(б) – Российской коммунистической партии (большевиков), принятой на VIII съезде в 1919 г., гласил: «По отношению к церкви РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви... Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду»[2].

По отношению к мусульманам на протяжении довольного длительного времени (в ряде мест – вплоть до 1930-х гг.) эта политика проводилась в более щадящем режиме. Более того, как уже отмечалось выше, мусульман рассматривали в качестве противовеса РПЦ, более опасного для властей. Но когда основные задачи по устранению православной церкви, как одного из главных конкурентов на

[1]Положение о шариатских судах Горской Советской Социалистической Республики. 5 декабря 1921 г. URL.: https://chechenlaw.ru/?p=595 (дата обращения: 13.11.2019).
[2]Цит. по: Восьмой съезд РКП (б). Протоколы заседаний. Март 1919 г. URL.: http://istmat.info/files/uploads/51514/8_sezd.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

идеологическом фронте, были решены, настало время более жестких действий в отношении мусульман[1].

Единственным существенным послаблением для мусульманской общины Советского государства являлись положения Декрета ЦИК и Совета народных комиссаров (СНК) СССР, изданного в октябре 1923 г. Согласно данному нормативному акту, в союзных и автономных республиках, в которых лица, исповедующие ислам, составляли большинство, или значительный процент населения (в том числе, соответственно, во всех национальных государственных образованиях Северного Кавказа), дозволялось создание, на частной основе, школ для преподавания в них основ мусульманского вероучения для лиц, достигших балугата (от арабского – взрослый) совершеннолетия согласно канонам шариата, т.е., семнадцати лет для девушек, и восемнадцати лет – для юношей. Преподавание основ ислама разрешалось за пределами средних школ – в мечетях и жилых домах[2].

На Северном Кавказе активисты Союза воинствующих безбожников (СВБ) занимались антирелигиозной агитацией и пропагандой с большим энтузиазмом и фактически на добровольных началах. В одной из докладных записок председателя Северо-Кавказского краевого совета безбожников, инструкторы агитпропотдела крайкома Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)) А.Е. Ряхина на имя заведующего отделом

[1]Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 89.
[2]Из декрета ЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения в регионах с мусульманским составом населения». Октябрь 1923 г. URL.: https://kavkaznasledie.ru/?p=3675 (дата обращения: 13.11.2019).

Криницкого говорилось, что условия работы краевого совета Союза безбожников невыносимы[1].

Летом 1929 г. в Ростове-на-Дону состоялся краевой съезд Союза воинствующих безбожников и сотрудников идеологических отделов областных и окружных комитетов ВКП (б). Участники съезда выражали большую обеспокоенность в связи с «беспринципным поведением некоторой части коммунистов на местах». В частности, приводились примеры отказа партийных работников под разными предлогами организовывать ячейки СВБ в аулах и выступать на массовых собраниях с пропагандой атеистических идей. Наступление на позиции религиозных организаций активизировалось. Инструкция административно-организационного управления Народного Комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР об использовании помещений религиозными объединениями от 23 февраля 1929 г. положила фактическое начало планомерному закрытию и перепрофилированию богослужебных зданий[2].

Согласно циркуляру Народного комиссариата земледелия (НКМЗ – Наркомзема) № 90 от 13 февраля 1928 г. и решению комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 6 января 1930 г., служители культа были лишены права пользоваться землей «наравне с другими лицами, лишенными избирательных прав, имеющими источники

[1]Бондаренко Н.Г., Колесникова М.Е., Рясная Ю.О. К вопросу об изучении Северного Кавказа (1920-1930 гг.) / Н.Г. Бондаренко, М.Е. Колесникова, Ю.О. Рясная // Армия и общество. 2015. №4 (47). С. 22

[2]Уарзиати В.С. Ислам в культуре Осетии / В.С. Уарзиати // Эхо Кавказа. 1993. № 3. С. 18.

существования от торговли, эксплуатации труда в промышленных и других предприятиях»[1].

В 1929, 1934-1935 гг. по Осетии прокатилась волна раскулачивания. Многие из состоятельных и сочувствующих им мусульман Вольно- Магометановского и прилежащих сел с компактным проживанием осетин, исповедовавших ислам, подверглись насильственному переселению в другие регионы России. После этого было осуществлено новое административное деление и образован Ирафский район. Селение Вольно-Магометановское получило название Чикола. Первый постсоветский муфтий Северной Осетии Д.-Х. Хекилаев вспоминал, что он с родителями выехал на новое место жительства в Томскую область, где осетины проживали в бараках по соседству с ингушскими семьями. Д-Х. Хекилаев отмечал, что ингуши даже в этих сложных политических условиях продолжали совершать предписания ислама и служили в этом примером для других мусульман[2].

В Осетии к этому времени позиции ислама были, безусловно, подорваны. С 1930 г. начались аресты, ссылки и расстрелы осетинских мулл и имамов. Следует указать лишь несколько человек, ставших жертвами репрессий: А. Гацалов, О. Гацалов, Х. Дзоблаев – муллы из селения Вольно-Магометановское; А. Тетов – мулла из селения Заманкул; Д. Хаев – мулла из селения Лескен; ингуш И. Яндиев – шейх братства Кунта-Хаджи; муллы-кумыки И. Алиев, А. Давудов, кумык Ю. Салимурзаев. Большинство из них по приговору троек Объединенного государственного

[1]Нормативно-правовые акты Союза Советских Социалистических Республик с 1924 по 1934 гг. URL.: .libussr.ru/doc_ussr/ussr_3358.htm (дата обращения: 26.12.2019).
[2]Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20 – 30-е гг. XX в. / Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 105.

политического управления (ОГПУ) были расстреляны. Остальных направили на долгие сроки в исправительно-трудовые лагеря или вместе с семьями сослали в Сибирь[1].

Закрытие мечетей и медресе, запрет на регистрацию мусульманских общин и многочисленные аресты еще не означали, что верующие отказались от своего образа жизни и традиций. Наоборот, политика подавления, проводимая Центром, нередко способствовала усилению религиозности мусульман. Но все-таки нельзя не отметить, что жестокие методы подавления религиозного самосознания в 1930-е гг. заставили оставшихся на родной земле осетин приспосабливаться к новым условиям, маскировать свою религиозность. За внешней ширмой неверия у значительной части населения вера приобретала латентную форму[2].

О серьезности происходящих изменений говорило и то, что в частности, произошло нарушение в требованиях конфессиональной эндогамии в мусульманских и христианских осетинских семьях – иными словами, власть старалась препятствовать заключению браков в рамках одной конфессии. Даже в крупных мусульманских селениях дни традиционных религиозных праздников, по рекомендации партийных комитетов, стали объявлять рабочими[3].

В 1925/26 учебном году на Северном Кавказе функционировали
743 религиозные школы с 15411 учащимися в них. Тогда же

[1]Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Суфийское братство Эвлия (святого) Кунта-Хаджи на Северном Кавказе / Л.М. Гарсаев, А.М. Гарасаев // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В. С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 254.

[2] Келехсаев Р.К. Репрессии против религиозных общин г. Владикавказ в 1930-е гг. / Р.К. Келехсаев // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 12. С. 77.

[3] Джабраилов Ю.Д. Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе // Власть. 2014. № 12. С. 13.

по всему краю функционировали 1644 мечети. 21 августа 1925 г. НКВД и Народный Комиссариат просвещения (Наркомпрос) приняли инструкцию № 446/72-цс. В данном документе указывалось, что с этого времени преподавание мусульманского вероучения может проводиться только в мечетях с разрешения облисполкомов и только для лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста и представивших свидетельство об этом. Согласно инструкции и на основании закона об отделении церкви от государства, религиозные предметы ни в коем случае не могли преподаваться в общеобразовательной школе. Чтобы получить разрешение на преподавательскую деятельность, представитель духовенства должен был направить заявление в административный орган, в котором указать свое социальное (до революции – сословное), общественное и служебное положение за время с 1914 г., принадлежность к тому или иному сословию до революции, время присоединения к данному религиозному культу. Сокращение религиозных школ шло постепенно, на протяжении нескольких лет.[1]

На Северном Кавказе, по-прежнему, мусульманские школы делились на два типа: мактаба и мадраса. Срок обучения в мактаба составлял 4-5 лет, единственным учителем здесь был мулла, который обучал детей письму и чтению по Корану. Поступить в мадраса имели возможность немногие, в основном дети состоятельных родителей. В Северокавказском регионе мадраса были только в Дагестане и кабардинском селении Баксан. В противовес мусульманским школам и мечетям на Северном Кавказе

[1] Bukharaev R. Islam in Russia: The Four Seasons / R. Bukharaev. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. P. 76.

создавались школы социалистического воспитания («соцвосы»), «народные дома» (нардома), антирелигиозные кружки. По сведениям Союза безбожников, на 1 сентября 1928 года на Северном Кавказе функционировали 5 738 школ «соцвоса», 339 «нардомов» и клубов, 153 антирелигиозных кружка, 143 избы-читальни.

В 1920-х гг. в селах и городах Северной Осетии еще не наблюдалось серьезных антиисламских гонений, они начнутся лишь в 1930-е гг. Например, в 1920 г. в трех кварталах небольшого селения Лескен Ирафского района действовали три мечети и мадраса при них. При мечетях служили не только жители Лескена, но и приглашенные муллы и имамы из соседнего селения Вольно-Магометановское, а также из Кабарды и Балкарии. Окончившие мактаба молодые мусульмане могли продолжить свое образование в Кабарде и Дагестане, а некоторые – в Турции и арабских странах. Состоятельные лескенцы выезжали для совершения хаджа к святыням ислама в Мекку и Медину[1].

От руководителей партийной и комсомольской ячеек Лескена, созданных в 1920 г., требовалось начать перестройку жизни села «на новый лад», и в первую очередь провести преобразования в сфере школьного обучения. Первые сообщения о том, что теперь все дети (и мальчики, и девочки) будут обучаться вместе, вызвали панику у большинства мусульман. Кардинальные меры по переводу образования на безрелигиозную основу заняли около пяти

[1]Шеуджен Э.А. Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания / Э.А. Шеуджен // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 3. С. 23.

лет. В 1924 г. для лескенской молодежи был открыт подготовительный класс в Горском педагогическом техникуме, а в 1926 г. первых учеников приняла Лескенская средняя школа.[1]

В конце 1920-х гг. началось разрушение мечетей в осетинских селах. В 1930 г. в Вольно-Магометановском осталась не разрушенной лишь одна мечеть. Она была превращена в заготовительную контору. Само это село было укрупнено за счет вхождения в его состав трех колхозов; в них открыли 25 дневных и вечерних школ-ликбезов. При этом власти допускали оскорбления чувств верующих, нападкам подвергались муллы и хаджи. Среди населения распространялся лозунг «Или светская школа, или мечеть». Возникала проблема с заведующими школ: своих подготовленных кадров в Вольно-Магометановском не хватало, и никто из других мест не желал ехать в селение, в котором были очень сильны мусульманские традиции, многие жители выступали против светского образования. Особенно большое сопротивление вызывала попытка обучения в школах-ликбезах девочек. Поэтому первоначально открывались отдельные классы для мальчиков (с преподавателями-мужчинами) и девочек (для которых преподавали женщины). Когда приток девочек в школы стал возрастать, раздельное обучение было отменено[2].

В первые месяцы после начала Великой Отечественной войны были предоставлены некоторые льготы для верующих.

[1]Molodikova I., Watt A. Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies) / I. Molodikova, A. Watt. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2019. P. 85.

[2]Кокорхоева Д.С. Из истории организации комиссии по национальной политике РКП (б) – ВКП (б) на Северном Кавказе: мотивы создания и роль в системе управления автономиями (1924-1927) / Д.С. Кокорхоева // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4 (96). С. 27.

Религиозные учреждения, подвергавшиеся ранее жестоким гонениям, получили право юридического лица, разрешение на сбор пожертвований (которые, в свою очередь, направлялись на поддержку фронта), приобретение домов в собственность служителей культа[1].

Гитлер уделял особое внимание вопросам политики по отношению к мусульманским народам СССР и особенно народам Северного Кавказа. Главной её особенностью являлось намерение привлечь многонациональное население Северного Кавказа к тесному сотрудничеству с оккупационными властями, сделать его союзником немецкой армии в борьбе с Красной Армией и советской властью. Нацисты учитывали религиозность северокавказских народов. Так, в одном из документов Рейха говорилось следующее: «На Кавказе, как нигде в другом месте России, адаты, мусульманские законы и шариат еще крепко держат в руках большую часть горского населения в повиновении…»[2].

Для мусульман СССР в Германии печатались пять газет, которые затем вывозились на территорию Советского Союза. На Северный Кавказ направлялась газета «Газават» (чья редакция располагалась на территории гитлеровской Германии), основное внимание в которой уделялось формированию мусульманских батальонов-легионов[3].

Немецкая оккупация значительной части Северной Осетии, как и на других оккупированных советских

[1]Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне / А.А. Тетдоев. Орджоникидзе: ИР, 1959. С. 119.
[2]Албегова А.И. Герои Осетии на века… : [к 70-летию Великой Победы о подвигах героев Осетии на фронтах Великой Отечественной войны] / А.И. Албегова // Северная Осетия. 2014. 9 сент. С. 4.
[3] Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 - октябрь 1943). Ростов на-Дону: Феникс, 2003. С. 76.

территориях, сопровождалась не одной лишь пропагандой, уничтожалось множество людей. Но в первую очередь репрессивные меры были направлены против немусульманского населения. Это, опять-таки, по планам фашистского пропагандистского аппарата должно было привести к межнациональным и межрелигиозным распрям[1].

При разработке осетинского направления, фашистский агитационный пропагандистский аппарат (агитпроп-аппарат) уделял меньше внимания религиозному фактору. Упор делался на арийских корнях осетинского народа.[2]

Однако, усилия нацистов в целом не дали ожидаемого результата Мусульмане Северной Осетии, как и большинство населения страны, в массовом порядке отправлялись на фронт. Всего же из Северной и Южной Осетии на фронт ушли более 110 тысяч человек. Среди них были атеисты, православные, мусульмане. Многие жители Ирафского района участвовали в партизанском движении. Руководство партизанского движения взаимодействовало с руководством 37-й армии, управление которой находилось в местности Калух, неподалеку от селения Чикола. При этом, количество осетин-коллаборационистов, сражавшихся в Северо-Кавказском легионе вермахта и батальоне особого назначения «Бергманн», равно, как и тех, кто служил во вспомогательной полиции и гражданской оккупационной администрации, значительно уступало вышеприведенному числу патриотов[3].

[1]Трегубенко В.В. Взаимодействие Совета по делам религиозных культов с неправославными религиозными объединениями на Ставрополье и Кубани на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944-1945) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 28.
[2]Там же. С. 29.
[3]Письменная Т.Г., Рябиков А.Н., Гречишко Д.Н. Особенности конфессиональной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / Т.Г.

Таким образом, взаимоотношения осетинских мусульманских общин с советскими органами управления в 1917-1945 гг. носили противоречивый характер. В первые годы существования советской государственности мусульмане пользовались поддержкой со стороны властей, использовавших исламские религиозные институты и граждан, исповедующих ислам, в качестве противовеса православию, которое считалось наиболее опасным противником коммунистической идеологии. Однако, после укрепления позиций в стране и нанесения удара по православию, советская власть начала репрессии в отношении мусульман. Антирелигиозная политика советского руководства нанесла немалый ущерб исламской общине в Северной Осетии посредством закрытия и уничтожения мечетей и школ религиозной направленности, а так же применению карательных мер по отношению к мусульманским духовным лидерам республики. Однако, даже подобная политика не послужила причиной для массового перехода осетин-мусульман на сторону Германии в годы Великой Отечественной войны. Тем более что в период войны в СССР произошла частичная «реабилитация» традиционных ценностей в том числе и в религиозной политике.

2.2. Конфессиональная политика республиканских органов власти в послевоенные десятилетия (1945-1980-е гг.)

После окончания Великой Отечественной войны, а затем и в послевоенный период координационные мероприятия в

Письменная, А.Н. Рябиков, Д.Н. Гречишко // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 1. С. 95.

религиозной сфере были возложены на Совет по делам религиозных культов (СДРК) при СНК СССР, который был организован 19 мая 1944 г. Основная цель, определенная Советом Народных Комиссаров для учрежденного им органа (постановление №572 от 19.05.1944 г.), заключалась в осуществлении связи между правительством Советского Союза и духовными центрами религиозных объединений, включая мусульманские[1].

Постановлением СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» был дан ход возвращению религиозным объединениям культовых сооружений принадлежавших им ранее[2]. К постановлению была добавлена инструкция (1945 г.), оговаривающая условия открытия культовых помещений. В ней, в противовес постановлениям военных лет, указывалось, что религиозные общества не имеют права юридического лица и права на собственность, вследствие чего на них опять же налагалась масса ограничений, в том числе запрет на воспитательную, производственную и прочие виды деятельности.[3] Таким образом, религия вновь загонялась в «подполье».

Ввиду того, что советское законодательство о культах носило несовершенный характер, отмечались его многочисленные нарушения как со стороны верующих, духовенства, так и представителей власти на местах.

[1]Corley F. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader / F. Corley. New-York: NYU Press, 2016. P. 92.

[2] Постановление СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». URL.: http://istmat.info/node/11796 (дата обращения: 18.11.2019).

[3]Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., испр. и доп. /Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир» / А.К. Аликберов, В.О. Бобровников, А.К. Бустанов. М.: ИВ РАН, 2018. С. 277.

Например, по большим религиозным праздникам на улицах осетинских сел и городов, в которых большинство населения составляли мусульмане, появлялись так называемые «бродячие» (незарегистрированные) муллы, которые призывали верующих принять участие в мусульманских богослужениях. С подобными призывами выступали и официальные служители культа. В связи с этим некоторые руководители стали применять незаконные административные меры по отношению к верующим. Даже муллы зарегистрированных мечетей облагались подоходным налогом. За неуплату ими этого налога отдавались распоряжения о закрытии мечети[1].

Среди населения Северного Кавказа правительственные постановления относительно свободы отправления религиозных культов были восприняты с надеждой, и почти сразу же с момента их издания группы верующих стали обращаться к местным властям с ходатайствами по вопросу открытия молитвенных зданий. В течение пяти лет здесь открылось несколько десятков мечетей. Всего на 1 мая 1951 г. по Северо-Кавказскому краю функционировали 35 мечетей, 26 – в Дагестане, 7 – в Кабарде, 2 – в Адыгейской автономной области. В Северной Осетии ни одна мечеть открыта не была. Приведенные выше цифры показывают, что позиции ислама у осетин были сильно поколеблены. Тем не менее, память о том, что их предки были мусульмане, сохранялась[2].

С приходом к власти Н.С. Хрущева советское правительство стало демонстрировать свою демократичность перед иностранными державами. Это обусловило на первых

[1]Там же. С. 280.
[2]История Осетии. XX век / Под ред. А.Л. Дзасохова. С. 128.

порах известную либерализацию религиозной политики, что, в частности, выразилось в создании «карманных» религиозных организаций и поддержке конформистски настроенных духовных лидеров. СДРК устраивал приемы иностранных журналистов, которым сотрудники Совета и приглашенные религиозные деятели давали многочисленные интервью, утверждающие о полной свободе религиозных культов в Советском Союзе. Одновременно конформистские духовные лидеры, пройдя соответствующий инструктаж, направляются «для обмена опытом» в зарубежные страны. В этом русле проходили и паломничества советских мусульман к святыням ислама в Саудовской Аравии.[1]

Муфтий Д.-Х. Хекилаев вспоминал, как после Великой Отечественной войны он вернулся домой. Уцелевшую в Чиколе мечеть тогда стали разбирать на стройматериалы. В архиве муфтия множество материалов, статей из районной газеты, в которых на мусульман обрушивается буквально лавина нападок и критики за приверженность к исламу. Например, в мае 1967 г. районная газета «Ленинец» (Ирафский район) била тревогу, что «Серьезным упущением первичных партийных организаций является слабое руководство работой агитколлективов и лекторских групп». В передовой статье газеты отмечалось, что «многие агитколлективы распались, и в настоящее время… не слышно живого слова агитатора, лектора, политинформатора».[2]

[1]Лысенко Н.К. «Горский мир» как феномен цивилизации: / Н.К. Лысенко // Северная Осетия. 2014. 3 сент. С. 3.
[2]Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 214.

Подписи с просьбой открыть в селе мечеть были собраны старожилами Лескена. Запросы направлялись в разные инстанции, вплоть до ЦК КПСС.

С подобными просьбами в органы государственной власти обращались и жители селения Чикола. Газета «Ленинец» сообщала, что «бывший учитель труда Чиколинской восьмилетней школы Д.И. Хекилаев написал письмо в Ташкент, в центр духовенства Ислама», в котором доказывал необходимость открытия в селе мечети. С просьбами посодействовать в открытии мечети Д.И. Хекилаев обращался и в ДУМ Северного Кавказа, находящееся в Дагестане. «Такому отсталому человеку долгое время было доверено воспитание наших детей», – выражала возмущение редакция газеты.[1]

Партийным организациям Ирафского района вменялось в обязанность улучшить научно-атеистическое воспитание населения, организовать систематическое чтение лекций на антирелигиозные темы, проводить разъяснительную работу среди верующих. Однако на протяжении десятилетий ситуация в Ирафском районе (селения Лескен, Чикола, Хазнидон, Толдзгун и др.) мало изменялась. С той лишь разницей, что большинство верующих к середине 1970-х гг. были уже людьми, получившими школьное и средне специальное образование. Они работали на производстве, были в курсе внутриполитических и международных событий и, как ни парадоксально, еще труднее поддавались антирелигиозной пропаганде. Одновременно, религиозность отождествлялась с национальной самобытностью, а отказ от

[1]Цораев З.У. Социальные и духовные основы цивилизационного пространства Северного Кавказа / З.У. Цораев // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11(50). С. 59.

соблюдения мусульманских праздников зачастую сопоставлялся с «отречением от национальных традиций»[1].

X пленум Северо-Осетинского обкома Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в апреле 1973 г. отмечал, что в республике «Неудовлетворительно поставлено атеистическое воспитание в вузах и школах, культурно-просветительских (культпросвет) учреждениях. Не ведется активной борьбы за внедрение передовых традиций республиканский совет по новым обрядам». По сравнению с религиозным аспектом, проблемы борьбы с преступностью, хищениями на производстве, бюрократизмом ушли на второй план. И это при том, что уровень преступности в республике был оценен как высокий, со значительным количеством особо опасных преступлений – убийств, изнасилований, крупных хищений[2].

К середине 1970-х гг. активизация агитационно-пропагандистской работы, характерная для 1960-х гг., идет на убыль. На очередном пленуме Орджоникидзевского горкома партии многие докладчики говорили о том, что бюро горкома, райкомы, первичные партийные организации терпимо относятся к деятельности самостийных религиозных общин, «не принимают эффективных мер по пресечению противозаконной деятельности мулл..., вредного воздействия их на отсталую часть населения».[3]

Попытки обращения к национальной истории в начале 1970-х гг. также не приветствовались. Поводом для нападок

[1]Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации / М.М. Блиев. М.: Мысль, 2004. С. 456.
[2]Джабраилов Ю.Д. Указ. соч. С. 14.
[3]Россия и Кавказ: противоречивые дискурсы истории. URL.: http://caucasustimes.com/ru/rossija-i-kavkazprotivorechivye-dickur/ (дата обращения 22.11.2019).

на традиционную культуру стал доклад генсека Л.И. Брежнева в связи с 50-летием СССР. В Осетии также вспомнили известное ленинское высказывание, что «коммунисты больших наций должны, прежде всего, выступать против проявлений великодержавного шовинизма, а коммунисты малых наций - прежде всего, против местного национализма, национальной ограниченности и эгоизма».[1]

Республиканские власти увидели угрозу стабильности государственного строя и в чрезмерном увлечении историей как попытке «спасти прошлое от настоящего, якобы уничтожающего национальной самобытности». Выступая на X пленуме обкома КПСС председатель правления Союза писателей Северной Осетии С.С. Марзоев подверг критике осетинских поэтов Ш.Ф. Джикаева и В.Т. Муртазова за «чрезмерное увлечение» такими историческими личностями, как Тамерлан и М.А. Кундухов. Вслед за С.С. Марзоевым, на пленуме Орджоникидзевского горкома партии в апреле 1973 г. редактор журнала «Мах дуг» («Наша эпоха») М.А. Цирихов выступал против произведений писателей и художников, в которых проявляются настроения «национальной ограниченности, самолюбования, воспевания устаревших обычаев и верований».[2]

Характерной приметой 1970-х гг. в Северной Осетии стали «Народные университеты». В 1973-1974 гг. по Ирафскому району было организовано 17 таких «университетов»: советской торговли, отдела культуры, педагогических знаний и др., в том числе – атеизма. К тридцатилетнему юбилею победы в Великой Отечественной

[1]Канукова З.В. Указ. соч. С. 132.
[2]История Осетии. XX век / Под ред. А.Л. Дзасохова. С. 432.

войне резко активизировалась антиисламская пропаганда. Под эгидой «Университета атеизма» в селении Чикола было, например, проведено собрание под названием «Можно ли верить Корану?» Лекторами-общественниками были подготовлены доклады на темы «История возникновения ислама» и «Реакционная сущность мусульманского братства Кунта Хаджи». По республике широко демонстрировался антирелигиозный фильм Чечено-Ингушской студии телевидения «Тени на светлой дороге».[1]

Следует отметить, что сами осетины, как уже отмечалось в первой главе работы, в своем большинстве не были последователями суфизма. По официальным данным, в начале 1970-х гг. в Пригородном районе существовало 17 кадирийских общин. Суфии не имели своих молитвенных зданий, собираясь для отправления ритуалов на квартирах и в домах единоверцев. «Подпольно» проводились шариатские суды «кхел» (в переводе с вайнахских языков – «народный суд»), для решения семейно-бытовых вопросов. Наиболее активные приверженцы Кунта-Хаджи собирались на квартирах для исполнения «громкого» зикра (в переводе с арабского – «поминание»). Газета «Социалистическая Осетия» так описывала проводимый в ряде сел кадирийский зикр: «Непоправимый вред здоровью верующих-мюридов наносит обряд зикр – радение дервишей, носящий исступленный характер, сопровождающийся плясками, прыганием. Обычно он длится несколько часов, до поздней ночи, физически и психически изматывая его участников. Мюриды бегают по кругу и хлопают в ладоши, распевают при

[1]Наша Вера: [статьи, очерки, интервью] / сост. Т. Догузов. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2014. С. 33.

этом молитвы, просят у Мухаммеда и Кунта-Хаджи простить им грехи, дать хорошую жизнь...»[1].

Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров по Северо-Осетинской АССР Ф.Ю. Комаров отмечал в 1973 г., что последователи Кунта-Хаджи являются немногочисленной, но весьма активно действующей религиозной группой. В своем обращении к населению уполномоченный заявлял, что существование кадиритов в республике не только противоречит закону, но и вообще образу жизни советского человека, а поэтому должно своевременно пресекаться, а конкретные исполнители таких действий привлекаться к ответственности[2].

Культ шейхов в суфийских общинах тесно переплетался с древней традицией и шариатом. Главы мюридских общин проповедовали, что условием сохранения национальной самобытности, семейной и родовой чести являются почитание памяти мюршидов и соблюдение традиционных обычаев и религиозных обрядов. В 1970-е гг. среди суфиев-ингушей, проживавших в Северной Осетии стал распространяться слух, что Кунта- Хаджи не умер в конце XIX в., а таинственно исчез и стал махди (скрытым имамом). Старейшины общин уверяли, что Кунта-Хаджи еще явится для того, чтобы установить справедливость. Представители кадирийской общины из Северной Осетии под руководством наставников-мюршидов стали регулярно совершать

[1]Wimbush E. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union / E. Wimbush. Los-Angeles: University of California Press, 2015.
[2]Северный Кавказ в СССР. Советское время. URL.: https://ncau.ru/29/ (дата обращения 13.12.2019).

паломничества к могиле матери Кунта-Хаджи в селение Первомайское Веденского района Чечено-Ингушской АССР[1].

В апреле 1969 г. представители кадирийской общины Пригородного района участвовали в тайном собрании братства Кунта-Хаджи (по некоторым данным – на мусульманском кладбище) в селении Альтиево Назрановского района ЧИ АССР. Согласно решению схода, каждый член общины должен был следовать принятым решениям. В «Извлечении из решений схода» говорилось о необходимости возрождения суда представителей старейшин – мехка-кхел и местных адатско-шариатских судов–кхел. В частности, пункт первый «Извлечения...» гласил: «При обоюдном согласии враждующих сторон на почве кровной мести возмездие потерпевшей 5000 рублей»[2].

Представители суфийских тарикатов чаще других мусульман шли на игнорирование советских законов в вопросах бракосочетания. Браки и разводы совершались мюршидами по мусульманским канонам. Отмечалось и вступление в брак несовершеннолетних, преследуемое советским законодательством. Но больше всего нападок вызывала традиция многоженства в суфийских семьях. Как сообщала республиканская пресса, в селении Тарском Пригородного района по две жены имели руководители кадирийской общины Х.Э. Эсмурзиев, А.А. Ханиев, У.М. Барахоев и другие. Женщины в суфийских семьях соблюдали требования как шариата, так и адата: в частности, соблюдался обычай «избегания»; женщины старались не появляться в общественных местах, редко выходили на улицу.

[1]Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy/ P. Kenez. London: Cambridge University Press, 2017. P. 35.
[2]Хайретдинов Д.З. Указ. соч. 127.

В связи с этим со стороны республиканских властей были нередки негативные высказывания в адрес руководителей Пригородного района, которые не принимали решительных мер, «примиренчески относятся к антиобщественным действиям мюридских группировок»[1].

Несмотря на то, что в последние десятилетия XX в. в Осетии не существовало официально зарегистрированных религиозных общин, мусульмане как и раньше, продолжали исполнять свои обряды. В первую очередь, это касалось погребального обряда-«дзаназа» (от арабского «упокой») – молитвы, совершаемой перед погребением тела мусульманина. Мусульмане по-прежнему продолжают соблюдать уразу (с араб. – «воздержание») – пост во время священного месяца Рамадан, отмечают праздник Курбан-байрам. Широко распространено празднование дня рождения Пророка Мухаммеда – Маулид. Жители обращаются к муллам с просьбами в составлении талисманов - «дуа» (с араб. – «мольба») – зашитых в кожаный мешочек изречений из Корана. Верующие носят такие талисманы на груди, или пришивают к складкам одежды. Местным органам власти даже в «антирелигиозные» 1970-е гг. были известны случаи совершения сунната – ритуального обрезания. «Это дикий, мучительный и позорящий человека обряд совершается глупыми людьми в самых антисанитарных условиях», – возмущался анонимный корреспондент районной газеты[2].

Требования к поведению женщины в мусульманских селах были иными, чем в республиканском центре и городах Северной Осетии. Женщина должна была больше находиться

[1]Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 223
[2]Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности / Под ред. М. Арсанукаевой, А. Гиля, А. Шабацюка. С. 144.

дома, соблюдать традиционные нормы в поведении и одежде: ношение девушками и женщинами блуз с открытыми рукавами, коротких платьев осуждалось. Даже в начале 1980-х гг. в семьях мусульман из селения Лескен девушки отказывались посещать светскую школу, принимали активное участие в религиозных обрядах[1].

В случае болезни мусульмане обращались к муллам и знахарям. Например, в Ирафском районе Северной Осетии был широко известен Д.А. Сагеев. К нему приезжали люди не только из отдаленных сел республики, но и из Кабардино-Балкарии. То лечение, которое предлагал своим пациентам Д.А. Сагеев, сегодня можно было бы назвать попыткой проведения психоанализа, своеобразной психотерапией. Сфера деятельности этого лекаря была разнообразна: «И едут к Дода отовсюду. С чем только не едут... – критически замечал корреспондент фельетона «Кошмарные сны» в районной газете «Ленинец». – У кого-то муж пьет, кого-то муж покинул. У другого ребенка «сглазили», у третьей юные девичьи годы тают, как мартовский снег, а жениха все нет, прямо одолели кошмарные сны, а кого-то «околдовали»: и скотина не приживается, и дома все вкривь и вкось». Популярность Д.А. Сагеева была настолько высока в народе, что иногда в день к нему приезжали более 60 человек[2].

Синкретическое сочетание мусульманской и домонотеистической обрядовости наблюдалось повсеместно. Причем, на мусульманские и древние обряды накладывался отпечаток нового времени. Так, широко распространенное у

[1]Таказов Ф.М. Исламские мотивы в фольклоре осетин / Ф.М. Таказов // Афтореф. дисс… канд. филологич. наук. Владикавказ, 2006. С. 9.
[2]Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа / В.С. Уарзиати. Орджоникидзе: Ир, 1990. С. 102

осетин еще в начале XX в. посвящение коня покойному трансформировалось в посвящение покойному машины. Общественной гласности был предан случай, когда мулла Р.Р. Мисиков из селении Зильги («бродячий», «самозванный» мулла – то есть действующий без регистрации) провел обряд посвящения покойному автомобиля «Москвич». После похорон Р.Р. Мисиков был старшим на траурных поминках; причем на похоронах участвовали чиновники партийного районного аппарата. Логично предположить, что такие случаи были не единичны[1].

Комментарии официальных органов по вопросам религиозной обрядовости зачастую были непродуманными и крайне противоречивыми. Один из характерных примеров такой антирелигиозной пропаганды: «У нас строго соблюдается гарантированная Конституцией СССР свобода совести. Никто не имеет право оскорбить религиозное чувство верующих», – так начиналась фраза. Заканчивалась же она следующим утверждением: – «Наш долг помочь верующим в освобождении от когтей религии..., показать до конца вредность и лживость религии, разоблачить корыстные цели новоявленных «мухаммедов»». Сохранение веры в Бога, «религиозные предрассудки как пережиток прошлого» объяснялись тем, что «сознание людей отстает от изменений в жизни общества»[2].

Подобные утверждения советских официальных органов являлись посягательством на конституционные основы, на которые ссылались чиновники, согласно которым

[1]Цховребова Н.Т. Осетинский аул и его традиции. URL.: http://iratta.com/2007/08/27/vremja_i_process_obrazovanija_selenijj.html (дата обращения 30.12.2019).
[2]Лысенко Н.К. Указ. соч. С. 3.

запрещалось оскорблять чувства верующих, и возбуждать в их отношении ненависть и вражду[1].

Исходя из постановлений X пленума Северо-Осетинского обкома КПСС, 11 мая 1973 г. партийные работники Ирафского района собрали на сход жителей селения Чикола. На сходе было объявлено, что «Борьба против пьянства, самогоноварения, религиозных предрассудков и других пережитков прошлого – дело не только партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, но и всей общественности, каждого советского человека». Сход принял решение «Об усилении борьбы против пережитков прошлого и внедрении в быт новых советских обрядов и традиций». Таким образом, уравнивались негативные социальные проявления и вера человека в существование высшей силы добра и справедливости[2].

Через полгода вопрос «О работе местных Советов Ирафского района по внедрению в быт новых советских обрядов и традиций» рассматривался на республиканском Президиуме Верховного Совета народных депутатов. Выступавший на Президиуме председатель исполкома Ирафского райсовета подвергся особой критике за слабое внедрение советской обрядовости при бракосочетании. При создании осетинской семьи в Ирафском районе немаловажным фактом оставалась конфессиональная принадлежность жениха и невесты. Выход замуж осетинки-мусульманки за православного осетина нередко рассматривался как чрезвычайное происшествие, измена

[1]Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. URL.: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 26.12.2019).
[2]История Осетии. XX век / Под ред. А.Л. Дзасохова. С. 441.

предписаниям и шариата, и адата. Президиум Верховного Совета обязал исполком Ирафского районного Совета депутатов трудящихся «устранить недостатки по внедрению в быт населения новых советских обрядов и традиций, улучшить организаторскую и воспитательную работу среди населения». Исполкому райсовета было предложено «разработать перспективный план мероприятий по борьбе с пережитками прошлого и внедрению в быт населения района новых советских обрядов и традиций»[1].

Однако подобные решения мало влияли на реальную ситуацию. В 1974 г. в Ирафском районе произошел небывалый случай: мулла одного из селений запретил похоронить на сельском кладбище школьного учителя. Мулла отказался открыть ворота и впустить на территорию кладбища директора школы и учителей, пришедших, чтобы выбрать место для могилы. Объяснил он свой отказ тем, что умерший – бывший москвич, русский, «а все русские – христиане... Кровь мусульманина никогда не смешается с кровью человека иной веры, и прах мусульманина не должен покоиться рядом с прахом гяура». Ни председатель сельсовета, ни пенсионеры-колхозники не смогли убедить муллу изменить свое решение. Умершего учителя похоронили в саду одного из колхозников-пенсионеров. И хотя на похороны пришли не только директор школы, парторг колхоза, школьники, односельчане и даже бывшие выпускники Орджоникидзевского университета, в котором когда-то преподавал учитель, но ситуация показала, насколько сильны позиции мусульманского духовенства в

[1]Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 400.

районе, перебороть их оказались не в силах никакие официальные инстанции[1].

Именно поэтому пресечение религиозной деятельности у органов государственной власти стало отождествляться с пресечением отправления религиозных обрядов. На заявления отдельных представителей духовенства о том, что подобная практика противоречит принципу свободы совести, законодательно закрепленному в Конституции СССР, следовал ответ о том, что «никакого противоречия здесь нет, так как принцип свободы совести предполагает свободу верить или не верить в бога, но не свободу совершать под прикрытием веры такие обряды, которые причиняют вред здоровью человека или заставляют отказываться от исполнения гражданских обязанностей»[2].

В 1980-е годы критическая волна по отношению к религии и верующим со стороны партийных чиновников начинает идти на убыль. З.О. Макоева, секретарь Ирафского райкома КПСС в 1984 г. уже с некоторым пониманием высказывается относительно похоронных обрядов мусульман. «Много говорится и о том, что на похоронах и поминках продолжают главенствовать самозванные богослужители, – констатирует З.О. Макоева. – А ведь чувствам людей нужен выход», – продолжает она. Но тут же оговаривается: «Религиозные обряды и обычаи, связанные с похоронами и памятью об умерших, не уйдут от жизни, пока им не будут противопоставлены новые, способные производить на людей сильное эмоциональное впечатление, обряды, очищенные от мистики»[3].

[1]Там же. С. 412.
[2]Джабраилов Ю.Д. Указ. соч. С. 18.
[3]Северный Кавказ в СССР...

Сохранение религиозных обычаев и традиций на продолжении всего периода борьбы с «опиумом для народа» свидетельствует о глубокой религиозности осетин. Причем, эта религиозность трансформировалась на протяжении многих веков осетинской истории, создавая особый синкретический сплав политеизма и монотеистической культуры.

В годы «горбачевской перестройки» (вторая половина 1980-х гг.), когда в СССР в целом проводилась гораздо более щадящая политика по отношению к религии, положение мусульман СОАССР улучшилось – открывались новые мусульманские религиозные учебные учреждения, в 1990 г. паломники получили возможность посещать священные для всех мусульман города – Мекку и Медину; Коран печатался массовыми тиражами. Кроме того, государство фактически перестало вмешиваться в дела верующих[1].

Следовательно, отношения между мусульманами Северной Осетии и советской властью и в середине 1940 – начале 1990-х гг. так же отличались противоречивостью. Объявленная еще в годы Великой Отечественной войны политика веротерпимости уже в послевоенный период носила, в большей степени, декларативный характер. Причем в Северной Осетии положение мусульман было хуже, чем в соседних республиках, где ислам был религией большинства населения.

Во времена хрущевской «оттепели и брежневского» застоя, равно, как и в кратковременные периоды правления Ю.В. Андропова и К.У. Черненко партийные и государственные органы республики в средствах массовой

[1] Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 432.

информации (СМИ) подвергали жесткой критике мусульманскую веру и ее ценности, запрещались научные публикации, в которых позитивно характеризовалась деятельность выдающихся представителей мусульманской религии. При этом, вопреки всем усилиям республиканского руководства, осетины-мусульмане сохраняли верность своим убеждениям, заставляя местные власти, в отдельных случаях, идти на уступки.

Во время «горбачевской перестройки», на фоне общего смягчения отношения государства к религии, положение мусульман Северной Осетии существенным образом улучшилось.

Таким образом, взаимоотношения советской власти с исламскими организациями в целом носили конфронтационный характер. Религиозные деятели подвергались преследованиям, в средствах массовой информации и в образовательных учреждениях жестко критиковались основы мусульманской веры; запрещались или чинились препятствия на проведение мусульманских праздников и обрядов. Среди населения и особенно молодежи прививались исключительно непримиримые атеистические убеждения.

Глава 3. Взаимоотношения мусульманских религиозных организаций Северной Осетии с государством и иными конфессиями на современном этапе

3.1. Новый уровень взаимоотношения государства и религиозных организаций в постсоветский период

Распад СССР и становление новой российской государственности совпало с обострившимися проблемами в сфере межнациональных отношениях. Особенно остро он проявлялся в северокавказском регионе.

В 90-е гг. XX столетия об исламе на Северном Кавказе в России писали много. Это обстоятельство было продиктовано, в первую очередь, не научным интересом, но, прежде всего, сложившейся в регионе сложной ситуацией, кульминацией которой являлась война (точнее, войны) на территории Чеченской Республики – 1994-1996 гг. и 1999-2006 гг. Однако и без учета данной войны, положение на Северном Кавказе сложно было назвать стабильным. Достаточно упомянуть разразившийся в 1992 г. осетино-ингушский конфликт, который так же требовал скорейшего урегулирования, во избежание дестабилизации обстановки в Северокавказском регионе. При этом, данное межэтническое противостояние на долгое время осложнило отношения между руководством (РФ) и общественностью Северной Осетии, в том числе – мусульманской уммы республики.[1]

Предпосылки данного межэтнического противоборства возникли еще в конце XVII в., когда ингушские и осетинские

[1]Малашенко А.В. Указ. соч. С. 113.

поселения на территории равнинной и предгорной части современных Северной Осетии и Ингушетии. В конце XVIII в. ингуши производят набеги на левобережье Терека, на равнины, прилегающие к осетинским горам. Одному из таких нападений, совершённых на осетин в 1784 г. в районе нынешнего г. Алагира, ингушские идеологи придали важную роль, доказывая, что земли, принадлежавшие их народу, в конце XVIII в. простирались от Владикавказской крепости «вплоть до стен Алагира»[1].

С приходом России на Кавказ ряд территорий, на которых проживали ингуши, были переданы терскому казачеству. На принадлежавших ранее ингушам землях была создана чересполосица, представлявшая собой линию казачьих станиц, разделявшую равнинную и горную Ингушетию. Во время гражданской войны осетины (и христиане и мусульмане), кроме состоявших в терском казачестве, в основном заняли нейтральную позицию, казаки в основном заняли сторону белых, ингуши – красных. Поддержка власти Советов ингушами была обусловлена обещаниями красных вернуть ингушам заселённые казаками земли. После окончания Гражданской войны, ингуши потребовали от советской власти выполнения данного обещания. В связи с последним, при образовании Горской АССР, ингушам было возвращено значительное количество заселённых казаками земель, при этом терские казаки были выселены. До 1924 г. территория Северной Осетии и Ингушетии входила в состав ГАССР. Как уже отмечалось во второй главе, постановлением ВЦИК от 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена и разделена на Северо-

[1]Канукова З.В. Указ. соч. С. 118.

Осетинскую и Ингушскую автономные области, а также Сунженский округ. Город Владикавказ стал самостоятельной административной единицей, находившейся в непосредственном подчинении ЦИК РСФСР, но являлся административным центром обеих областей. Руководящие органы Ингушской автономной области (АО) располагались в правобережной части города, а Северо-Осетинской автономной области – в левобережной. Обе автономии стали административными единицами в составе Северо-Кавказского края. В 1933 г. ВЦИК РСФСР передал Владикавказ, переименованный к тому времени в Орджоникидзе, Северной Осетии.

С включением города в состав Северной Осетии вновь был поставлен вопрос об объединении Чеченской и Ингушской автономных областей. 15 января 1934 г. Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в Чечено-Ингушскую автономную область, преобразованную в 1937 г. в Чечено-Ингушскую АССР (ЧИАССР). Город Грозный, ранее также подчинявшийся Северо-Кавказскому краю, стал общей столицей, как для чеченцев, так и для ингушей. Хотя оба вайнахских народа в городе значительно уступали русским и другим народам в довоенный период.

23 февраля 1944 г. началась депортация чеченцев и ингушей в Среднюю Азию, а уже 7 марта Чечено-Ингушская АССР указом Президиума Верховного Совета СССР была упразднена, а ее жители депортированы в Киригизию и Казахстан. Северной Осетии отошли северная и центральная части Пригородного района, а также Ачалукский,

Назрановский и Пседахский районы, западная часть Сунженского района и Малгобек. На территории бывшей ЧИАССР была образована Грозненская область, к которой были присоединены обширные территории Ставрополья, равнинного Дагестана и даже Калмыкии.

24 ноября 1956 г., во время хрущевской «оттепели», Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, но в несколько иных границах – Пригородный район (кроме Джейраховского ущелья) остался в составе Северной Осетии. Помимо этого в составе Северо-Осетинской АССР остались 5-7-километровая полоса бывшего Пседахского района Чечено-Ингушетии, связывающая Моздокский район с остальной Осетией, а также правобережная часть Дарьяльского ущелья, узкая полоса от границы с Грузией до р. Армхи. Идеи «возвращения земель» и «восстановления исторической справедливости» были популярны среди ингушей со времён возвращения из депортации, и сохранили актуальность и в конце 2010-х гг. На протяжении нескольких десятилетий – вплоть до распада СССР в декабре 1991 г. в Пригородном районе происходили конфликты между осетинами и ингушами[1].

Летом 1992 г. в составе Российской Федерации была образована Ингушская Республика (ИР). На момент начала конфликта ингуши были третьим по численности этносом в республике после осетин и русских – около 35 тысяч человек. В октябре 1992 г. на территории Пригородного района Северной Осетии начались вооруженные столкновения между осетинами и ингушами, позднее охватившие и Владикавказ. Осетино-ингушский конфликт

[1]Цховребова Н.Т. В Пригородном районе вспоминали трагические события осени 1992-го года : [осет.- ингуш. конфликте] / Н.Т. Цховребова // Фидиуœг. 2014. 1 нояб. С. 1.

удалось прекратить только при вмешательстве армии и внутренних войск. Однако, до кульминации конфликта, федеральные и республиканские власти демонстрировали полную пассивность, что, в немалой степени, поспособствовало эскалации конфликта, и спровоцировало резкую критику в адресЦентра, причем – с обеих сторон.[1]

В данном конфликте осетины этническую принадлежность поставили выше конфессиональной. В ответ на упреки ингушей в том, что осетины-мусульмане, являясь их единоверцами, занимали и занимают однозначно враждебную позицию в отношение их территориальных притязаний, они получали примерно такой ответ: «никакая другая позиция с нашей стороны в данном случае немыслима, мусульманин защищает свое имущество, личное или коллективное, независимо от того, кто пытается его отобрать, незадачливый сосед, хафиз Корана или заморский интервент»[2].

В связи с этим, приведем еще один пример специфики мышления осетин, исповедующих ислам. В 1992-1994 гг. в азербайджано-карабахской войне на стороне своих единоверцев-азербайджанцев воевали представители ряда мусульманских народов Северного Кавказа (чеченцы и др.). Осетины-мусульмане в данной войне выразили свои симпатии армянской стороне, а мусульманский Иран предоставил блокированной Армении и Нагорно-Карабахской Республике «дорогу жизни». В своем выборе осетины-мусульмане

[1]Тавасиев В.Х. Историко-демографический анализ национального состава и численности населения Северной Осетии в XX веке / В.Х. Тавасиев // Автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2006. С. 5.
[2]Цховребова Д.И. История родного села как частичка истории Отечества: [об основании с. Ногир Пригородного р-на] / Д.И. Цховребова // Фидиуæг. 2014. 26 апр. С. 4.

увидели прямые аналогии между Нагорным Карабахом и Южной Осетией, народы которых были искусственно разделены. Данный факт свидетельствовал о том, что национальное самосознание у осетинских мусульман превалирует над конфессиональным[1].

Осетины-мусульмане неизменно оказывают поддержку руководству РСО-А в вопросах, связанных с отношениями с ингушами. Так, например, мусульманская община осетин одобрила позицию главы республики А.С. Дзасохова весной 2005 г. В тот период полномочный представитель Южного федерального округа Д.Н. Козак, с одобрения Президента В.В. Путина, предложил А.С. Дзасохову и главе Ингушской Республики М.М. Зязикову подписать подготовленные в Москве «Первоочередные совместные действия по урегулированию осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1992 года». В документе подробно расписаны сроки возвращения беженцев и места для их расселения, указаны ответственные за процесс ведомства, а также определён механизм решения территориальных споров между республиками в Конституционном суде России. А.С. Дзасохов, однако, отказался его подписать, заявив, что документ не имеет финансовой базы и может спровоцировать в республике новый виток напряжённости. При этом он также признал, что активизация процесса по возвращению ингушских беженцев после бесланской трагедии может быть неправильно понята жителями республики, так и не получившими извинений от ингушских семей, чьи

[1]Религии Северной Осетии: в кого верят и кого чтут осетины? URL.: https://sib-catholic.ru/religii-severnoyosetii-v-kogo-veryat-i-kogo-chtut-osetinyi/ (дата обращения 15.12.2019).

представители оказались в группе террористов, захвативших школу в Беслане[1].

Одобрение осетинской мусульманской общины встретило и заявление от 9 августа 2005 г. В этот день Парламент Северной Осетии оспорил в Конституционном суде Российской Федерации пункты закона «О реабилитации репрессированных народов», касающиеся территориальных вопросов (этот запрос пока не принят к рассмотрению Конституционным судом)[2].

Тем не менее, спустя двадцать восемь лет после трагических событий 1992 г., количество ингушей проживающих в республике превышает количество до войны. Как и до конфликта, ингуши обеспечены жильем, светом и водой; ингуши имеют свои школы и места компактного проживания, свободно получают услуги в учреждениях здравоохранения республики и прочих учреждениях. Ингуши строят мечети, свободно исповедуют религию. В то же время, в Ингушетии обвиняют власти РСО-А в том, что студентам из Ингушской Республики фактически перекрыт доступ в высшие учебные заведения Осетии и призывают осетинскую мусульманскую общину выступить защитником их интересов[3].

В 1990-е гг. власти РФ не сумели выстроить конструктивный диалог с северокавказскими республиками и существовавшими в них национальными и конфессиональными сообществами. позиции Кремля на Северном Кавказе сложно было назвать прочными.

[1]Артур Цуциев об этнополитической и религиозной ситуации в Северной Осетии...
[2]Емельянова Н.М. Тайное и явное...
[3]Келехсаев Р.К. Конфессиональные аспекты политического и социокультурного развития Осетии в условиях общественных модернизаций. С. 10.

Взаимоотношения между исламской общиной РСО-А и РФ в данном случае не являлись уникальными, и соответствовали общей тенденции[1].

В первое десятилетие нового века, когда в России шел процесс укрепления вертикали власти, Москва постепенно восстанавливала свои позиции в Северокавказском регионе, и искала точки соприкосновения со всеми, сколько-нибудь влиятельными силами, готовыми к сотрудничеству. Однако, ДУМСО Северной Осетии, по разным причинам (внутренним противоречиям, слабости позиции первых муфтиев) не проявляло серьезных намерений принять участие в данном процессе. Отношения между осетинской мусульманской уммой с одной стороны, и федеральным центром осложнились и в период трагических событий в Беслане. В сентябре 2004 г. группа террористов, чьи действия координировал известный сепаратист Ш.С. Басаев, активный сторонник создания исламского халифата на Северном Кавказе, произвела захват в заложники большую группу школьников в школе № 1 североосетинского города Беслан. В ходе антитеррористической операции по освобождению заложников, более трехсот из них погибли, в т.ч. сто восемьдесят детей.

ДУМ РСО-А, как и многие другие исламские сообщества России осудило террористов. Представители ДУМСО сделали официальное заявление, суть которого заключалась в том, что у терроризма нет ни религиозной, ни этнической принадлежности, и подчеркивали, что значительная часть погибших исповедовала ислам. При этом в ДУМ республики выражали резкое недовольство федеральными средствами

[1]Rotstein A. Ibid. P. 217.

массовой информации, многие из которых акцентировали внимание в бесланских событиях на исламском факторе, и подвергали критике руководство страны за «нежелание пресечь провокационные высказывания одиозных журналистов»[1].

Не меньшее недовольство в тот период вызывало у ДУМ мусульман РСО-А и одобрение федеральным центром действий республиканских властей в отношении руководителей Исламского культурного центра во Владикавказе, связанных с басаевскими боевиками. В свою очередь, враждебная позиция североосетинского муфтията в 2004-2010 гг., и его неспособность (а порой и нежелание) бороться с проявлениями радикальных проваххабитских взглядов в среде мусульманской молодежи Северной Осетии, негативно влияла и на отношение со стороны властей государства. В особенности, это касалось резких высказываний муфтия А.-Х. Евтеева. При этом, сложно согласиться с точкой зрения коллектива авторов в лице М. Арсанукаевой,
А. Гиля, А. Шабацюка, которые видят в отставке А.-Х. Евтеева влияние Москвы[2].

Данное утверждение, как представляется, можно опровергнуть тем фактом, что, глава ДУМСО в интервью Я.А. Амелиной признался в том, что он в свое время проходил стажировку у знаменитого террориста из Саудовской Аравии Амира Аль-Хаттаба, одного из идеологов чеченского сепаратизма и создания исламского эмирата на Северном

[1]Остановить атаку на Православие в Осетии. URL.: https://tsargrad.tv/articles/ostorozhno-sekta-pravda-otradicionnoj-osetinskoj-religii_210387 (дата обращения 1.12.2019).
[2]Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности / Под ред. М. Арсанукаевой, А. Гиля, А. Шабацюка. С. 154.

Кавказе, боровшегося против Российской Федерации с оружием в руках в 1996-2002 гг. Однако, за прошедшие с момента интервью десять лет, российские правоохранительные органы не подвергли его уголовному преследованию. После его отставки федеральные СМИ, наряду с критическими замечаниями в его адрес, отмечали и его вклад в урегулирование напряженности в республике в 2004-2006 гг., и положительно оценили его самостоятельное решение покинуть пост главы ДУМСО. Одобрительную оценку получает деятельность созданных им онлайн-портала «Медина» и телевизионного канала «Алиф», носящая просветительский характер, разъясняющая сущность Корана, и критикующая религиозный радикализм и экстремизм, как нарушение основ ислама. Подобные же положительные отзывы встречает и его блоггерская деятельность (так же на религиозную тематику), которую он ведет в социальных сетях Инстаграм и Фэйсбук.[1]

Тем не менее, плодотворное сотрудничество между исламской уммой Северной Осетии и федеральным центром произошло только после того, как в 2010 г. фактическое руководство ДУМСО перешло к Х.Х. Гацалову, и, в особенности, после его избрания на пост главы ДУМ РСО-А весной 2011 г. Решительная борьба с проявлениями исламского фундаментализма, начатая Духовным управлением в начале 2010-х гг., и миротворческая деятельность муфтиия и его окружения не осталась незамеченной в Москве. В частности, в МВД РФ поддержали претензии муфтия, высказанные им правоохранительным

[1]Амелина Я.А. Мусульмане Северной Осетии: патриотический вектор / Я.А. Амелина // Мусульманский мир. 2014. № 2. С. 56.

органам республики в январе 2016 г. относительно пассивности в расследовании убийств Р.М. Гамзатова и других деятелей ДУМСО, убитых в первой половине 2010-х гг. исламскими фундаменталистами[1].

Со своей стороны, ДУМСО демонстрирует лояльность федеральному центру. Кроме того, одобрение действий российского руководства в Южной Осетии в августе 2008 г. со стороны исламской уммы РСО-Алания можно объяснить и желанием помочь своим немусульманским соотечественникам в Закавказье. Муфтий и его окружение призывают к объединению обеих Осетий в составе РФ. Данная позиция позволила ДУМСО укрепить свой авторитет не только в глазах федеральных властей, но и в Южной Осетии.[2] В марте 2014 г. руководство Духовного управления мусульман Северной Осетии организовало митинг в поддержку возвращения Крыма. Выступая на данном митинге, Х.Х. Гацалов, в частности, подчеркнул, что исторические события последних лет, в том числе вхождение крымской территории в состав РФ, подтверждают возвращение Россией чувства гордости и самоуважения, и осознания себя великой державой. Кроме того, 24 августа 2015 г. в Моздоке была проведена конференция «ИГИЛ на весах шариата», по итогам которой Религиозный совет Северной Осетии принял разработанную в ходе дискуссий фетву (решение по вопросу исключительной важности, принимаемое мусульманскими богословами на основе таких

[1]Гацалов Х.М. Мусульмане Осетии обрели свой «Голос» : [рассказывает муфтий РСО-А Х. Гацалов о новом изд. ДУМ «Осетия. Голос Ислама» и ближайших пл. работы] / Х.М. Гацалов // Северная Осетия. 2014. 14 авг. С. 4.
[2]Захаров В.А., Арешев А.Е., Семерикова Е.Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. Исторический и современный контекст / В.А. Захаров, А.Е. Арешев, Е.Г. Семерикова. М.: ИД «Русская панорама», 2010. С. 63.

источников права, как шариатское законодательство и прецедентах мусульманской юридической практики). В ней осуждалось т.н. «Исламское государство», и не признавался за ним статус исламского халифата, а его лидера Абу Бакра аль-Багдади – халифом всех мусульман. Представителям исламской уммы Северной Осетии было официально запрещено участвовать в боевых действиях на стороне ИГИЛ. При этом, действия российского руководства в Сирии, направленные на борьбу с ИГИЛ, получили одобрение и поддержку со стороны ДУМСО. Последнее оказалось первой мусульманской уммой на территории России, которая официально заняла подобную позицию.[1]

Осознание федеральными властями необходимости укреплять сотрудничество с мусульманской общиной Северной Осетии подтверждается тем, что, при поддержке федерального центра, Х.Х. Гацалов был назначен членом Координационного совета управления юстиции РФ по РСО-А (в 2016 г.) и членом Общественного совета Следственного комитета РФ по РСО-А (в 2017 г.). Данные назначения были осуществлены, в т.ч., с целью привлечения муфтия к участию в расследовании указанных выше убийств его соратников[2].

При поддержке федеральных властей ДУМ РСО-А в 2012 г. был назначен на пост сопредседателя Совета муфтиев России (единственным со всего Северного Кавказа). В Кремле с одобрением отреагировали и на переизбрание 16 марта 2016 г. Х.Х. Гацалова на пост главы ДУМСО на второй срок и поддержали решение Группы стратегического видения

[1]Емельянова Н.М. Тайное и явное...
[2]Россия и Кавказ: противоречивые дискурсы истории. URL.: http://caucasustimes.com/ru/rossija-i-kavkazprotivorechivye-dickur/ (дата обращения 22.11.2019).

«Россия – исламский мир» предоставить муфтию Северной Осетии членство в своей организации в 2016 г. Данная Группа в 2006 г. по инициативе известного российского политика и ученого-востоковеда Е.М. Примакова и тогдашнего руководителя Республики Татарстан М.Ш. Шамиева. Как правило, Президент РФ В.В. нередко обращается к участникам с приветственным словом.

Из 33 членов Группы стратегического видения лишь шестеро, включая североосетинского муфтия, являются гражданами Российской Федерации. Важно отметить, что Х.Х. Гацалов является единственным исламским духовным лидером из России, являющимся членом данной организации (кроме него Россию представляют министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, глава Татарстана Р.Н. Минниханов – председатель Группы, руководитель ЧР Р.А. Кадыров и др.). Этот факт демонстрирует как особое доверие к муфтию Северной Осетии со стороны российского руководства, так и авторитет Х.Х. Гацалова в исламском мире. Остальные члены группы (крупные политические деятели, мусульманские богословы, дипломаты) представляют 27 государств исламского мира. Заседания данной организации проходят в разных странах. На встречах Группы обсуждаются важные решения по преодолению исламского экстремизма, профессиональному подходу к обучению будущих мусульманских теологов, обсуждаются вопросы развития культуры исламских народов, а так же развития науки в мусульманском мировом сообществе. В апреле 2016 г., на заседании Группы в Москве, была организована презентация монографии Х.Х. Гацалова «Россия и ислам: на острие атаки»,

которая получила ряд положительных отзывов, в том числе – со стороны В.В. Путина[1].

Во встрече с действующим главой Северной Осетии В.В. Битаровым, которая произошла 29 февраля 2020 г., В.В. Путин дал положительную оценку экономическому развитию РСО-А, а так же состоянию системы образования. Он обратил внимание на стабильность ситуации в Северной Осетии, поддержании гражданского мира в регионе. Данное высказывание имеет непосредственное отношение и к деятельности конфессий республики[2].

Таким образом, в постсоветский период отношения между государством и мусульманской общиной Северной Осетии претерпели существенные изменения. В первые два десятилетия, прошедшие после распада СССР, диалог между федеральным центром и исламской уммой РСО-А сложно было назвать конструктивным из-за осетино-ингушского конфликта, неспособности первых муфтиев пресечь распространение ваххабитских идей и возникновение радикальных группировок в РСО-А.

Ситуацию удалось переломить только после избрания главой ДУМСО Х.Х. Гацалова, сумевшего объединить исламскую умму республики, и оказывающего поддержку федеральным властям как во внутри-, так и во внешнеполитической сфере (присоединение Крыма, политика в Сирии и т.д.)..

[1]Артур Цуциев об этнополитической и религиозной ситуации в Северной Осетии. URL.: https://caucasustimes.com/ru/artur-cuciev-ob-jetnopoliticheskoj-i-religioznoj-situacii-v-severnoj-osetii/ (дата обращения 4.12.2019).
[2]Емельянова Н.М. Тайное и явное в северокавказском исламе. URL.: http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0030.shtml (дата обращения 14.03.2020).

3.2. Взаимодействие мусульманских организаций с другими конфессиями республики. Участие мусульман Северной Осетии в миротворческой деятельности на Кавказе

Как уже отмечалось выше, 1990-е – первое десятилетие XXI в. мусульманской общине и другим конфессиям республики пришлось преодолевать кризис духовности, вызванный многолетней борьбой советской власти с любыми проявлениями религиозности.

Жители республики, исповедующие различные религии, так или иначе, должны были искать точки соприкосновения друг с другом во избежание масштабных противостояний.

Населению республики, исповедующих различные религии, необходимо было найти точки соприкосновения друг с другом для недопущения каких-либо проявлений религиозной нетерпимости. Однако руководители конфессиональных групп обладали крайне ограниченными возможностями (особенно в 90-е гг. XX в.). Кроме того, до 2011 г. наиболее многочисленная религиозная община Северной Осетии, православная, не имела своего автономного органа управления (в советские времена она входила в состав Ставропольской и Бакинской епархии, с 1991 г. – Ставропольской и Владикавказской). И лишь в 2011 г., по решению Священного Синода РПЦ, была учреждена Владикавказская епархия[1].

Первым главой новой епархии стал епископ Зосима (Остапенко), в июне 2016 г. его преемником был назначен

[1]Фарниев З.М., Тохсыров В.С. Архиепископ Владикавказский и Аланский Зосима «Православие в Осетии имеет глубочайшие корни»: [беседа с архиепископом Владикавказским и Аланским Владыкой Зосимой / З.М. Фарниев, В.С. Тохсыров // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2014. № 1. С. 32-34.

епископ Леонид (Горбачев). С 2012 г. архиерей Северной Осетии носил титул «епископ Владикавказский и Аланский», с января 2017 г. – «архиепископ Владикавказский и Аланский».[1]

Духовные лидеры всех конфессий республики, в том числе – и мусульманской, предпринимали усилия по консолидации североосетинского общества. В октябре 1991 г. мусульманская община вошла в состав созданной под патронажем Ставропольской и Владикавказской епархии межнациональной организации «Наша Осетия». В нее вошли представители от православных осетин, национально-культурные объединения республики: русскоязычное «Русь», армянское «Эребуни», ассирийское «Ниневия», азербайджанское «Азери», кабардино-балкарское «Намис», «Татарское национально-культурное общество имени Тукая» и др. Главной задачей «Нашей Осетии» было обеспечение единства граждан Северной Осетии. Во время празднования двадцатипятилетнего юбилея данной организации, проведенного во Владикавказе 27 мая 2017 г., архиепископ Владикавказский и Аланский Леонид отметил, в том числе, и весомый вклад мусульманской общины Северной Осетии в поддержание мира и стабильности в республике[2].

Несмотря на то, что объединяющим фактором для осетин разных конфессий стало недопущение изменения территориальной целостности республики, православная и исламская общины Северной Осетии призывали граждан республики к диалогу с ингушским этносом.

[1]Остановить атаку на Православие в Осетии. URL.: https://tsargrad.tv/articles/ostorozhno-sekta-pravda-otradicionnoj-osetinskoj-religii_210387 (дата обращения 1.12.2019).
[2]Религиозные верования осетин: прошлое и настоящее. URL.: http://evrazia.org/article/2129 (дата обращения 16.12.2019).

В мае 1993 г. исламская умма Северной Осетии поддержала создание Всеосетинского национального движения «Стыр Ныхас» (в переводе с осетинского – «Большой Совет»). Целью данного сообщества, которое в 1999-2006 гг. именовалось «Аланты Ныхас» («Аланский Совет»), а потом вернулось к прежнему названию, стала борьба за воссоединение Северной и Южной Осетии в составе РФ[1].

Перед сообществом была поставлена задача возрождения традиционной осетинской культуры и поиск компромисса с ингушским народом. «Стыр ныхас», в состав руководства которого входят как православные христиане, так и мусульмане, продолжает свою работу и в конце 2010-х гг., координируя деятельность своих соотечественников через городские и районные «Ныхасы», которым неоднократно удавалось пресекать местные конфликты на религиозной основе.[2]

В целом, отношения между православной и исламской уммой Северной Осетии носят мирный, конструктивный характер, что обусловлено традициями региона, в котором на протяжении столетий не было масштабных межконфессиональных конфликтов, а чувство национальной идентичности чаще всего превалировало над религиозными противоречиями. Именно по этой причине не только среди православных осетин, но и среди основной части осетин-

[1]Сланов А.А. Церковное строительство в Южной Осетии, развернутое обществом восстановления православного христианства на Кавказе / А.А. Сланов // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 187.

[2]Гамаонова А.В. Осетино-ингушский конфликт: миротворческие усилия гражданского общества в постконфликтоном урегулировании / А.В. Гамаонова // Бюллетень Владикавказского института управления. 2014. № 42. С. 206.

мусульман вызвали негативную реакцию действия местных исламских фундаменталистов во главе с Е.Б. Тегаевым, а так же упомянутые выше резкие высказывания муфтия А.-Х. Евтеева в адрес православия. При этом, архиепископ Владикавказский и Ставропольский Феофан призвал православных осетин воздержаться от угроз в адрес бывшего муфтия и мусульман в целом. Позднее, по приглашению ДУМСО, архиепископ Феофан принял участие в открытии мечети в Беслане в июне 2010 г. Плодотворное сотрудничество между исламской уммой и архиепископом Владикавказским и Аланским Зосимой продолжилось и после создания североосетинской епархии.[1]

В целом, конструктивно выстраиваются на протяжении последних десятилетий и отношения с той частью осетинского народа, которая придерживается традиционных народных верований, основанной, в том числе, на почитании мудрого старца Уастырджи, посланника Бога, покровителя великих героев-нартов.[2]

Святилища, посвященные почитанию Уастырджи, существуют во многих районах Северной (а так же и Южной) Осетии. Традиционные верования осетинского народа, основанные на аланской мифологии, сложно однозначно назвать языческими хотя бы по той причине, что они не предполагают почитание множества богов, в ней отсутствует институт священнослужителей и общеобязательных обрядов[3].

[1]Багаев Р.С. Владикавказское Православное духовное училище / Р.С. Багаев // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2014. № 2. С. 12.
[2] Ярмарка богов. Традиционные верования осетин: неоязычество или религия предков? URL.: http://osnova.news/n/5061/ (дата обращения 27.12.2019).
[3]Осетины: традиционные верования. URL.: http://www.etnosy.ru/node/1682 (дата обращения 21.12.2019).

Эту специфику осетинских народных верований неоднократно подчеркивали духовные лидеры как исламской, так и православной общин Северной Осетии, заявляя о том, что она не несет вреда духовному самосознанию верующих, и является воплощением древних традиций аланского этноса[1].

По этой причине, среди осетин, исповедующих традиционный ислам, вызвали отрицательную реакцию высказывания муфтия Х.-М. Тавказахова относительно традиционных осетинских верований, произнесенные в декабре 2007 г. в интервью сайту ossetians.com. Х.-М. Тавказахов обвинил власти республики в потворстве распространению идолопоклонства в Северной Осетии, и призвал запретить празднование Дня Святого Хетага[2].

Его единоверцы (даже из состава ДУМСО) отказались поддержать данный призыв. Критика традиционных верований, высказанная Х.-М. Тавказаховым, вызвала одобрение лишь со стороны исламских фундаменталистов. Позднее, после создания в 2013 г. Организационного комитета Северо-Осетинской общественной религиозной организации «Уацдин», по инициативе муфтия Х.-Х. Гацалова, ДУМСО установило с ней сотруднические отношения[3].

Исламская умма РСО-А поддерживает конструктивные отношения и с другими конфессиями республики. В частности, поддерживаются связи с представителями Армянской Апостольской Церкви (ААЦ), чьи приходы

[1]Традиционная вера осетин. Размышления вслух. URL.: https://south-ossetia.info/tradicionnaya-vera-osetinrazmyshleniya-vslux/ (дата обращения 25.11.2019)
[2]Религиозные верования осетин: прошлое и настоящее. URL.: http://evrazia.org/article/2129 (дата обращения 16.12.2019).
[3]«Неоязычество» в Осетии как искусственно навязываемая «страшилка». URL.: https://respublikarso.org/elections/1279-neoyazychestvo-v-osetii-kak-iskusstvenno-nazyvaemaya-strashilka.html (дата обращения 13.12.2019).

включены в состав Армянской епархии Юга России, существующей на территории Северной Осетии еще с XVIII в. – с момента возникновения в данном регионе армянской общины (на данный момент ее численность составляет около 17 000 человек). Как уже отмечалось, осетины (в том числе мусульмане) проявили солидарность с армянами во время карабахского конфликта. В 2007 г. тогдашний глава РСО-А Т.Д. Мамсуров (мусульманин по вероисповеданию) в интервью сайту south-ossetia.info отметил положительный вклад армянских священнослужителей в культурное развитие республики, и осудил геноцид армянского народа, организованный в Турции в 1915 г., как акт бесчеловечности, и как проявление нарушения канонов исламской веры. В 2010 г. представители исламской уммы одобрили присутствие руководителей Северной Осетии на церемонии установления во дворе Владикавказской Армянской церкви Святого Григория (Сурб Григор Лусаворич) хачкара (памятный крест-камень)[1].

Миротворческая деятельность мусульманской общины Северной Осетии приняла интенсивный характер в начале 2010-х гг., после избрания муфтием Х.Х. Гацалова. Однако, и в 1990-2000-х гг. исламская умма в той или иной степени выполняла миротворческую миссию. Осетины-мусульмане, наряду с соотечественниками оказывали поддержку южным осетинам защищавшим свое право свободно жить на своей земле. В результате военных действий десятки тысяч южных осетин покинули родные места и перебрались в Северную

[1]Народная религия осетин. URL.: https://south-ossetia.info/narodnaya-religiya-osetin/ (дата обращения 3.12.2019).

Осетию. Помощь, оказываемая беженцам, осуществлялась, в т.ч., по инициативе представителей религиозных конфессий.[1]

Вместе со всеми своими соотечественниками, представители исламской уммы размещали беженцев в своих домах, и собирали гуманитарную помощь для Южной Осетии. В то же время во время августовских событий 2008 г. будущий муфтий Х.Х. Гацалов (в тот момент – имам Владикавказской мечети) обратился к своим единоверцам и всем осетинам в целом с призывом не применять насилие по отношению к грузинам, проживавшим в РСО-А. Его поддержали такие известные представители исламской уммы, как Ш.Ф. Джикаев, И.А. Дударов, Р.М. Гамзатов[2].

Следует признать, что и А.-Х. Евтеев, несмотря на указанные выше критические замечания в его адрес, в начале 2000-х гг., после разрыва отношений с исламскими фундаменталистами, внес немалый вклад в урегулирование межконфессиональных противоречий в республике. Он отдавал себе отчет в том, что распространение ваххабизма в республике и активизация исламистского терроризма на Северном Кавказе вносили раскол в исламскую умму Северной Осетии, и ухудшала отношения с другими конфессиями, ассоциирующими мусульманскую религию исключительно с негативными проявлениями. В 2004 (в его бытность заместителем муфтия, и руководителем отдела ДУМСО по работе с молодежью) г. по инициативе А.- Х. Евтеева в республике была создана Комиссия по разрешению внутренних конфликтов между представителями мусульманской молодежи РСО-А, официальным духовенством

[1]Джиоева Е.Х. Христианство и Ислам за духовное возрождение и безопасность : [науч.-практ. конф.] / Е.Х. Джиоева // Владикавказ. 2014. 9 окт. С. 3.
[2]Захаров В.А., Арешев А.Е., Семерикова Е.Г. Указ. соч. С. 242.

и представителями старшего поколения. Данная организация постоянно консультировалась с ведущими мировыми исламскими теологами, а так же занималась переводами на осетинский и русский языки богословских книг. За два года работы Комиссия сумела сохранить единство исламской уммы республики и избежать столкновения между фундаменталистами и приверженцами традиционного ислама, а так же столкновений с представителями других религий. Кроме того, А.-Х. Евтеев был инициатором интенсификации работы с молодежью через подконтрольные ДУМ Северной Осетии сайты в социальных сетях[1].

Особые усилия по нормализации межконфессиональных отношений в республике и преодолении негативного отношения к исламской религии прилагал Х.Х. Гацалов. 25 мая 2013 г. во Владикавказе по его инициативе имамы двадцати девяти местных мусульманских общин РСО-А приняли фетву о неприменимости к Северной Осетии термина «дар аль-харб» (в переводе с арабского – «территория войны»). Х.Х. Гацалов был в числе первых российских исламских духовных лидеров, которые официально подвергли осуждению участие мусульман из Российской Федерации в военных действиях в Сирии на стороне. На протяжении уже десяти лет муфтий Северной Осетии отстаивает необходимость сотрудничества (именуемого им «соработничеством») между мусульманской общиной и Православной Церковью. С середины лета 2014 г. ДУМСО начало выпуск периодического русскоязычного издания «Осетия. Голос ислама». В 2014 г., после

[1]Религиозные предпочтения молодежи РСО-Алания. URL.: http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=945 (дата обращения 19.12.2019).

провозглашения ИГИЛ Х.Х. Гацалов был в числе двух официальных лиц российской исламской уммы и единственным мусульманским духовным лидером из РФ, который выступил с осуждением данного события (вторым был глава ЧР А.Х. Кадыров).

С 2010 г. ДУМ РСО-А отличается повышенной публичной активностью, чему немало способствует тот факт, что муфтий Х.Х. Гацалов является сопредседателем Совета муфтиев России. В 2013 г., согласно итогам проведенного в социальных сетях, по инициативе исламского медиа-ресурса «ansar.ru», голосования, ДУМСО была признана наиболее активной и эффективной по своим достижениям исламской уммой в РФ. В тот год ДУМ РСО-А организовало около полутораста крупных мероприятий, носивших политический, спортивный, обучающий, и развлекательный характер, направленных на вовлечение молодежи республики в общественную работу, в т.ч., и благотворительного характера)[1].

13 декабря 2012 г. Х.Х. Гацалов принял участие во встрече Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с муфтиями регионов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, которая прошла в Кисловодске. Во вступительном слове Патриарх Кирилл заметил: «…мы смерть каждого муфтия, каждого имама, каждого служителя ислама, так же как и своих собственных служителей, воспринимаем как свое личное горе… мы настаиваем на обеспечении безопасности религиозных лидеров Северного Кавказа, которые стоят на правильных, миротворческих позициях, которые несут своей пастве слово

[1]Амелина Я.А. Указ. соч. С. 61.

примирения… Уже были реализованы удачные проекты – думаю, они должны продолжаться на Северном Кавказе, – совместные молодежные лагеря, куда приходят и служители ислама, и православные священнослужители. Мы говорим о наших общих нравственных ценностях, в том числе о необходимости вместе работать, взаимодействовать, укреплять наше Отечество, нашу страну, укреплять духовные основы жизни…»[1].

В ходе встречи обсуждались вопросы взаимодействия РПЦ и исламских общин Кавказа по таким направлениям, как защита традиционных нравственных ценностей, профилактика религиозного экстремизма, развитие системы духовного образования, работа с молодежью. Председатель ДУМ РСО-А Х.Х. Гацалов подчеркнул важность преподавания основ религиозной культуры в целях противодействия распространению экстремистских взглядов в молодежной среде[2].

В заключение была подписана Совместная декларация Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и глав Духовных управлений мусульман Северного Кавказа, в которой, в частности, говорилось: «Кавказ – это общий дом многих народов, который хранит их вековые традиции и опыт десятков поколений свободных и искренних людей… Мы, духовные лидеры Православия и Ислама, свидетельствуем, что для России Северокавказский регион имеет огромное значение не только в смысле ресурсов и геополитики, но и в силу уникального этнокультурного многообразия. А для республик Северного Кавказа Россия – это общий дом, в

[1]Религия Осетин: Алания Информ. URL.: http://osinform.org/39008-religiya-osetin.html (дата обращения 10.12.2019).
[2]Там же.

котором для всех народов находится достойное место и возможность самореализации. Заверяем представителей государственной власти, наших верующих, народы Северного Кавказа и всей России: мы вместе, и мы одна семья. Пусть же так будет всегда»[1].

В феврале 2020 г. в Москве под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось объединенное заседание Межрелигиозного совета России (МСР) и Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК). В мероприятии приняли участие представители религиозных общин в составе МСР со стороны Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) полномочный представитель КЦМСК в Москве Ш.А. Пшихачев; во встрече приняли участие представители всех официальных конфессий страны - Федерации еврейских общин России, Конгресса еврейских объединений и организаций России, Буддийской традиционной сангхи России, Армянской Апостольской Церкви (глава Ново-Нахичеванской и Российской епархии), Евангелическо-лютеранской церкви России, Римско-Католической Церкви. Заседание посетили представители Администрации Президента РФ – заместитель начальника управления внутренней политики Администрации Президента РФ, начальник Департамента межнациональных отношений и религии М.В. Белоусов, ответственный секретарь Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ С.А. Мельников[2].

[1]Там же.
[2]Объединенное заседание Межрелигиозного совета России (МСР) и Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК) от 28 февраля 2020 г. под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Первого. URL.: http://www.patriarchia.ru/db/text/5598938.html. (дата обращения 13.03.2020).

Во вступительной речи Патриарх Кирилл отметил: «Упоминание ценности веры в Бога в Конституции стало бы закреплением исторической и духовной преемственности народов нашей страны, не мыслящих себя вне религии. Поэтому мне кажется очень важным, чтобы упоминание ценности веры в Бога действительно вошло в Конституцию». В принятом Коммюнике это предложение было поддержано представителями всех конфессий участвовавшими в объединенном заседании»[1].

Комментируя данное коммюнике, Х.Х. Гацалов заявил о своем полном и безоговорочном одобрении данного документа. Он так же призвал мусульман Северной Осетии поддержать решения Межрелигиозного совета России[2].

В целом, отношения мусульманских организаций Северной Осетии с другими конфессиями республики можно назвать позитивными. Исламская умма РСО-Алания принимает активное участие в работе организаций «Наша Осетия» и «Стыр Ныхас», которые играют немалую роль в поддержании стабильности в республике, и предотвращении межнациональных и межконфессиональных конфронтаций.

Отношения с РПЦ носят характер сотрудничества, что является одновременно заслугой ДУМСО и православных иерархов – архиепископов Феофана, Зосимы и Леонида. Конструктивность отношений с осетинами, исповедующими традиционные национальные верования, объясняется чувством этнической солидарности мусульман республики.

[1]Коммюнике объединенного заседания Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального консультативного комитета от 28 февраля 2020 г. URL.: http://www.patriarchia.ru/db/text/5598906.html. (дата обращения: 6.03.2020).
[2]Религия Осетин: Алания Информ. URL.: http://osinform.org/39008-religiya-osetin.html (дата обращения 10.12.2019).

Миротворческая деятельность мусульманской общины Северной Осетии после избрания Х.Х. Гацалова на пост главы ДУМСО не ограничивается помощью жителям Южной Осетии, которая не прекращается с начала 1990-х гг. С 2010 г. исламская умма РСО-А активно выступает против ИГИЛ, участвует в работе Межрелигиозного совета России.

Взаимоотношения мусульманской общины Северной Осетии с государством и иными конфессиями на современном этапе носят, таким образом, конструктивный характер. Это обусловлено характерной для осетин религиозной терпимостью, во многом позволившей локализовать распространение радикальных исламистских идей в республике, уважительным отношением к традиционным осетинским верованиям, и эффективному характеру деятельности Духовного управления мусульман Северной Осетии при действующем муфтии Х.Х. Гацалове, сумевшим вступить в диалог с федеральным центром и заручиться его всемерной поддержкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа, основанная на первоисточниках и научных исследованиях, позволяет сделать следующие выводы:

1. Проникновение ислама в среду осетинского народа началось в позднее средневековье, однако процесс укоренения данной религии растянулся на несколько веков. Важнейшую роль в принятии ислама частью осетин сыграла Кабарда и ее князья. Хотя немало осетин исповедовало ислам, они всегда оставались конфессиональным меньшинством среди своего народа. В то же время, осетины-мусульмане внесли немалый вклад в развитие культуры и образования в Осетии.

2. Утверждение советской власти существенным образом повлияло на положение мусульманской общины в Осетии, равно, как и всех их единоверцев в северокавказском регионе и России. Жизнь мусульманской уммы Северной Осетии в советский период была малозаметной. Она заметно оживает с конца 1980-х гг. и особенно в постсоветские десятилетия. Этот период характеризовался настоящим «религиозным возрождением» в том числе и для мусульманской уммы Республики Северная Осетия-Алания.

3. Взаимоотношения советской власти с мусульманскими общинами Северной Осетии в предвоенные десятилетия и в период Великой Отечественной войны носили противоречивый характер. В 20-е годы XX терпимое отношение к исламу было связано с намерением советской власти использовать мусульман в своем противостоянии с главным идеологическим оппонентом большевиков – Русской

Православной Церковью. В то же время классовая политика большевистского руководства, ориентированная на ликвидацию так называемых «эксплуататорских классов», несла в себе угрозу единству исламской общины Северной Осетии.

4. После укрепления своих позиций, с конца 1920-х гг. советская власть перешла к открытой репрессивной политике по отношению к мусульманам и другим конфессиям. Антирелигиозная политика, которую проводили власти СССР, нанесли огромный урон исламской умме Северной Осетии. Были уничтожены почти все мечети и мусульманские учебные заведения, духовные лидеры и активные члены уммы подверглись репрессиям. Несмотря на это, в годы Великой Отечественной войны, вопреки всем усилиям гитлеровской пропаганды, мусульмане республики в подавляющем большинстве не перешли на сторону «Третьего рейха». Подобная ситуация была связана с высоким уровнем национального самосознания осетин-мусульман, во многом базировавшегося на одном из канонов мусульманской веры – необходимости вооруженной борьбы с любым захватчиком, который вторгся на родную землю.

5. Отношения между советской властью и мусульманской уммой в послевоенные десятилетия были неоднозначными. Политика веротерпимости, объявленная еще во время Великой Отечественной войны, в целом носила декларативный характер. В Северной Осетии, где ислам, в отличие от остальных северокавказских республик, не являлся религией большинства населения, положение мусульманской общины было еще более тяжелым. В этот

период республиканское руководство проводило агрессивную политику по отношению к мусульманам. Репрессии выражались в тотальной критике устоев исламской религии в средствах массовой информации, травле деятелей культуры, выступавших в защиту мусульманской веры, препятствовании публикации материалов, которые содержали положительные оценки выдающимся религиозным деятелям. Однако, все усилия, предпринятые властями Северо-Осетинской АССР, не лишили осетин-мусульман верности их религиозным убеждениям. Положение мусульманской общины Северной Осетии существенным образом улучшилось только в период «горбачевской перестройки», на фоне общего смягчения отношения государства в религиозном вопросе.

6. Деятельность исламской уммы Северной Осетии в 90-х гг. XX – начале XXI вв. отличалась противоречивостью. С одной стороны, в 1990-х гг. начался процесс духовного возрождения мусульманской веры (как и других конфессий) в республике и в РФ в целом. В Северной Осетии был учрежден пост муфтия и создано Духовное управление мусульман, что позволило координировать действия всех граждан республики, исповедующих ислам.

В то же время, с самого начала своей деятельности, ДУМ столкнулось с несколькими насущными проблемами, обусловленными невысоким уровнем религиозной грамотности мусульман, отсутствием реальной поддержки со стороны властей республики, распространением в Северной Осетии идей исламского экстремизма, террористической деятельностью группировки религиозного фундаменталиста А. Дигорского и функционированием параллельной

мусульманской управленческой структуры – Исламского культурного центра во Владикавказе. Возглавлявший этот центр Е.Б. Тегаев, сплотил вокруг себя экстремистски настроенную часть североосетинской уммы. Первые четыре муфтия Д.-Х. Хекилаев, Р.Х. Валгасов, Х.-М. Тавказахов и А.-Х. Евтеев оказались не в состоянии эффективно решить перечисленные задачи. Их просчеты, недоработки и промахи серьезным образом повредили реноме мусульманской общины РСО-А.

7. В постсоветский период отношения между исламской уммой РСО-А и государственными структурами претерпели значительные изменения. К мусульманской общине с подозрением относилась и Москва. Это было вызвано антагонизмом, возникшим из-за разных точек зрения на осетино-ингушский конфликт, критикой со стороны североосетинской исламской общины в адрес федерального центра по поводу организации антитеррористических мероприятий на территории республики после бесланской трагедии, некомпетентности первых мусульманских духовных лидеров Северной Осетии в борьбе с распространением ваххабизма и возникновением радикальных исламистских организаций.

Улучшение отношений между властями и исламской уммой произошло только после избрания муфтием Северной Осетии Х.Х. Гацалова. Новый глава ДУМСО сумел сплотить мусульманскую общину республики, и стал оказывать поддержку федеральному центру в вопросах не только внутренней, но и внешней политики (по вопросу присоединении Крыма, политике в Сирии и т.д.).

Лишь решительные и компетентные действия действующего муфтия Х.Х. Гацалова, который нашел точки соприкосновения, как с республиканским руководством, так и с другими конфессиями Северной Осетии, предпринял ряд решительных мер по борьбе с исламистским экстремизмом и повышению религиозной грамотности мусульман в республике, смогли кардинальным образом изменить ситуацию и улучшить репутацию исламской уммы и ДУМ.

Благодаря поддержке федерального центра Х.Х. Гацалов был включен в состав Координационного совета управления юстиции РФ по РСО-А, назначен сопредседателем Совета муфтиев России и вошел в международную Группу стратегического видения «Россия – исламский мир».

8. Отношения исламской уммы РСО-А с другими конфессиями Северной Осетии можно охарактеризовать как конструктивные. Мусульманская община включена в работу организаций «Наша Осетия» и «Стыр Ныхас», играющих значимую роль в поддержании стабильности в Северной Осетии и в северокавказском регионе, предотвращении конфликтных ситуаций на межнациональной и межконфессиональной почве. Отношения с РПЦ носят партнерский характер. Это является одновременно заслугой ДУМ республики и иерархов РПЦ – архиепископов Феофана, Зосимы и Леонида. Мусульманская община республики поддерживает партнерские отношения и с другими конфессиями Северной Осетии.

Миротворческая деятельность исламской уммы РСО-Алания после избрания Х.Х. Гацалова на пост муфтия, не ограничивается помощью жителям Южной Осетии, не

прекращающейся с начала 90-х гг. XX в. С 2010 г. мусульманская община Северной Осетии активно противодействует распространению влияния ИГИЛ в республике, принимает участие в работе Межрелигиозного совета России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Нормативные акты:

1. Восьмой съезд РКП (б). Протоколы заседаний. Март 1919 г. URL.:http://istmat.info/files/uploads/51514/8_sezd.pdf (дата обращения: 12.11.2019).
2. Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917-1943 гг.): сборник документов / Сост. Б.А. Синанов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 167 с.
3. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об упразднении Горской Советской Социалистической Республики. 7 июля 1924 г. URL.: https://chechenlaw.ru/?p=198 (дата обращения: 11.11.2019).
4. Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 17 (30) января 1918 г. об учреждении Комиссариата по делам мусульман. URL.: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9838-17-30-yanvarya-dekret-ob-uchrezhdenii-komissariata-po-delam-musulman (дата обращения: 3.11.2019).
5. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 28.01.1918 г. URL.: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/ (дата обращения: 13.12.2019).
6. Из декрета ЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения в регионах с мусульманским составом населения». Октябрь 1923 г. URL.:https://kavkaznasledie.ru/?p=3675 (дата обращения: 13.11.2019).
7. Коммюнике объединенного заседания Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального

консультативного комитета от 28 февраля 2020 г. URL.: http://www.patriarchia.ru/db/text/5598906.html. (дата обращения: 6.03.2020)

8. Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 г. URL.:http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 26.12.2019).
9. Нормативно-правовые акты Союза Советских Социалистических Республик с 1924 по 1934 гг. URL: .libussr.ru/doc_ussr/ussr_3358.htm (дата обращения: 26.12.2019).
10. Положение о шариатских судах Горской Советской Социалистической Республики. 5 декабря 1921 г. URL.: https://chechenlaw.ru/?p=595 (дата обращения: 13.11.2019).
11. Постановление СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». URL.: http://istmat.info/node/11796 (дата обращения: 18.11.2019).

Монографии, мемуары, статьи:

12. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920-1940 гг. Монография. Ростов н/Д, 2010. 170 с.
13. Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении армянской апостольской церкви на Юге России в 1917-1941 гг. Монография. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160 с.
14. Акопян В.З. Конфессиональная политика советского государства в период «Великого перелома» (1930-е гг.) // Университетские чтения – 2017. Пятигорск: ПГЛУ. Часть X. 2017. С. 83-88.

15. Акопян В.З. Конфессиональная политика государства в отношении католических приходов Юга России в период НЭПа // Университетские чтения – 2017. Пятигорск: ПГЛУ. Часть X. 2017. С. 41-50.
16. Аксенова Я.А. Все ли правильно понимают к чему призывает ислам? // Моздокский вестник. 2014. 1 марта.
17. Албегова А.И. Герои Осетии на века… // Северная Осетия. 2014. 9 сент.
18. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2018.456 с.
19. Амелина Я.А. Мусульмане Северной Осетии: патриотический вектор // Мусульманский мир. 2014. №2. С. 56-69.
20. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2010. 264 с.
21. Аствацатурова М.А., Голобородько А.Ю. Качество современных межэтнических и межрелигиозных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 80-83.
22. Багаев Р.С. Владикавказское Православное духовное училище // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2014. №2. С. 12-17.

23. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
24. Бондаренко Н.Г., Колесникова М.Е., Рясная Ю.О. К вопросу об изучении Северного Кавказа (1920-1930 гг.) // Армия и общество. 2015. №4 (47). С. 22-28.
25. Вердиев Р.Т. Особенности современной Осетии. М.: АСТ, 2009. 182 с.
26. Гамаонова А.В. Осетино-ингушский конфликт: миротворческие усилия гражданского общества в постконфликтоном урегулировании// Бюллетень Владикавказского института управления. 2014. №42. С. 206-214.
27. Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Суфийское братство Эвлия (святого) Кунта-Хаджи на Северном Кавказе // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции. Владикавказ, 2014. С. 254-258.
28. Гацалов Х.М. Мусульмане Осетии обрели свой «Голос» // Северная Осетия. 2014. 14 авг.
29. Джабраилов Ю.Д. Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе // Власть. 2014. № 12. С. 12-20.
30. Джиоева Е.Х. Христианство и Ислам за духовное возрождение и безопасность // Владикавказ. 2014. 9 окт.
31. Дзеранов Т.Е. История принятия ислама в Осетии (Алании) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-6. С. 15-17.
32. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций: Монография. М., 2003. 359 с.

33. Захаров В.А., Арешев А.Е., Семерикова Е.Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. Исторический и современный контекст. М.: ИД «Русская панорама», 2010. 520 с.
34. Ибрагимов И.Д. Перспективы развития исламского образования в современных условиях // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI в. Материалы XII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 46-50.
35. Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности / Под ред. М. Арсанукаевой, А. Гиля, А. Шабацюка. Люблин-Майкоп, 2014. 266 с.
36. История Осетии. XX век / Под ред. А.Л. Дзасохова. М.: Наука, 2003. 632с.
37. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ГРВЛ. 1971. 360 с.
38. Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009. 172 с.
39. Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20 – 30-е гг. XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
40. Келехсаев Р.К. Репрессии против религиозных общин г. Владикавказ в 1930-е гг. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 12 С.77-83.
41. Кокорхоева Д.С. Из истории организации комиссии по национальной политике РКП (б) – ВКП (б) на Северном Кавказе: мотивы создания и роль в системе управления

автономиями (1924-1927) // Научная мысль Кавказа. 2018. №4 (96). С. 16-27.

42. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943). Ростов н/Д: Феникс, 2003. 342 с.
43. Лысенко Н.К. «Горский мир» как феномен цивилизации // Северная Осетия. 2014. 3 сент.
44. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
45. Наскидаева Е.Х. Исторический опыт российско-кавказского межконфессионального взаимодействия (середина XVIII – начало XX вв.): монография. Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2014. 131 с.
46. Наша Вера: [статьи, очерки, интервью]. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2014. 176 с.
47. Осипов С.К. Религиозный фактор в эволюции политической системы России // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 144-150.
48. Осипов С.К., Парастатов С.В. История появления ислама и развитие духовного образования в России до 1917 г. // Университетские чтения-2018. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 67-73.
49. Письменная Т.Г., Рябиков А.Н., Гречишко Д.Н. Особенности конфессиональной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны //

Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. №1. С. 92-99.

50. Рязанов В.Т. Мусульмане Осетии: работать на благо республики // Северная Осетия. 2014. 23 янв.
51. Сланов А.А. Церковное строительство в Южной Осетии, развернутое обществом восстановления православного христианства на Кавказе // Народы Кавказа: история, этнология, культура. Материалы всероссийской научной конференции. Владикавказ, 2014. С. 187-194.
52. Таказов Ф.М. Ислам в системе традиционной культуры осетин (XVIII – начале XX вв.). Владикавказ, 2007. 200 с.
53. Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Орджоникидзе: ИР, 1959. 345 с.
54. Торчинова М.Н. Суннитская мечеть // Модный Владикавказ. 2014. Апр.(№4). С. 114-116.
55. Трегубенко В.В. Взаимодействие Совета по делам религиозных культов с неправославными религиозными объединениями на Ставрополье и Кубани на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944-1945) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 26-31.
56. Уарзиати В.С. Ислам в культуре Осетии // Эхо Кавказа. 1993. № 3. С. 18-19.
57. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990. 190 с.
58. Шеуджен Э.А.Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2007. №3. С. 23-30.

59. Фарниев З.М., Тохсыров В.С. Архиепископ Владикавказский и Аланский Зосима «Православие в Осетии имеет глубочайшие корни» // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2014. №1. С. 32-34.
60. Хайретдинов Д.З. Ислам в Осетии. Информационный материал Исламского конгресса России. М.: Эксмо, 1997. 234 с.
61. Цораев З.У. Социальные и духовные основы цивилизационного пространства Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11(50). С. 59-66.
62. Цховребова Д.И. История родного села как частичка истории Отечества // Фидиуæг. 2014. 26 апр. С. 4.
63. Цховребова Н.Т. В Пригородном районе вспоминали трагические события осени 1992-го года // Фидиуœг. 2014. 1 нояб. С. 1.
64. Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир: Риц Агпу, 2007. 416 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

65. Баликоев А.Т. Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования: автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 27 с.
66. Гобети З.Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20 – 30-е годы XX века: автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. 26 с.
67. Келехсаев Р.К. Конфессиональные аспекты политического и социокультурного развития Осетии в

условиях общественных модернизаций: автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 28 с.

68. Кулиев Ф.М. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: Владикавказ, 2013.
69. Тавасиев В.Х. Историко-демографический анализ национального состава и численности населения Северной Осетии в XX веке: автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2006. 26 с.
70. Таказов Ф.М. Исламские мотивы в фольклоре осетин: автореф. дисс… канд. филологич. наук. Владикавказ, 2006. 26 с.
71. Теммоев С.М. Национальная и федеративная политика советского государства на Северном Кавказе: исторический опыт: 1917-1937 гг.: автореф. дисс… канд. ист. наук. Владикавказ, 2010. 27 с.

Электронные ресурсы:

72. Артур Цуциев об этнополитической и религиозной ситуации в Северной Осетии. URL.: https://caucasustimes.com/ru/artur-cuciev-ob-jetnopoliticheskoj-i-religioznoj-situacii-v-severnoj-osetii/ (дата обращения 4.12.2019).
73. Емельянова Н.М. Тайное и явное в северокавказском исламе. URL.: http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0030.shtml (дата обращения 14.03.2020).
74. Народная религия осетин. URL.: https://south-ossetia.info/narodnaya-religiya-osetin/ (дата обращения 3.12.2019).

75. «Неоязычество» в Осетии как искусственно навязываемая «страшилка».URL.: https://respublikarso.org/elections/1279-neoyazychestvo-v-osetii-kak-iskusstvenno-nazyvaemaya-strashilka.html (дата обращения 13.12.2019).
76. Объединенное заседание Межрелигиозного совета России (МСР) и Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК) от 28 февраля 2020 г. URL.: http://www.patriarchia.ru/db/text/5598938.html. (дата обращения 13.03.2020).
77. Осетины – мусульмане или христиане? Религия осетин. URL.: https://nlo-mir.ru/religia/43145-osetiny.html#a-9 (дата обращения 18.12.2019).
78. Осетины: традиционные верования. URL.: http://www.etnosy.ru/node/1682 (дата обращения 21.12.2019).
79. Остановить атаку на Православие в Осетии. URL.: https://tsargrad.tv/articles/ostorozhno-sekta-pravda-o-tradicionnoj-osetinskoj-religii_210387 (дата обращения 1.12.2019).
80. Северный Кавказ в СССР. Советское время. URL.: https://ncau.ru/29/ (дата обращения 13.12.2019).
81. Религии Северной Осетии: в кого верят и кого чтут осетины? URL.: https://sib-catholic.ru/religii-severnoy-osetii-v-kogo-veryat-i-kogo-chtut-osetinyi/ (дата обращения 15.12.2019).
82. Религиозные верования осетин: прошлое и настоящее. URL.: http://evrazia.org/article/2129 (дата обращения 16.12.2019).

83. Религиозные предпочтения молодежи РСО-Алания. URL.: http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=945 (дата обращения 19.12.2019).
84. Религия Осетин: Алания Информ. URL.: http://osinform.org/39008-religiya-osetin.html (дата обращения 10.12.2019).
85. Россия и Кавказ: противоречивые дискурсы истории. URL.: http://caucasustimes.com/ru/rossija-i-kavkaz-protivorechivye-dickur/ (дата обращения 22.11.2019).
86. Рощин М.С. Ислам в Северной Осетии. URL.: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-150-3/978-5-88431-150-3_25.pdf. (дата обращения 22.03.2020).
87. Традиционная вера осетин. Размышления вслух. URL.: https://south-ossetia.info/tradicionnaya-vera-osetin-razmyshleniya-vslux/ (дата обращения 25.11.2019).
88. Цховребова Н.Т. Осетинский аул и его традиции. URL.: http://iratta.com/2007/08/27/vremja_i_process_obrazovanija_selenijj.html (дата обращения 30.12.2019).
89. Ярмарка богов. Традиционные верования осетин: неоязычество или религия предков? URL.: http://osnova.news/n/5061/ (дата обращения 27.12.2019).

Публикации на иностранных языках:

90. Bukharaev R. Islam in Russia: The Four Seasons. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. 356 p.
91. Corley F. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader. New-York: NYU Press, 2016. 320 p.
92. Hunter S. Islam in Russia: The Politics of Identity and Security. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2016. 562 p.

93. Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy. London: Cambridge University Press, 2017. 388 p.
94. Lewin M. The Soviet Century. Manchester: Verso, 2018. 432 p.
95. Marshall A. The Caucasus Under Soviet Rule. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. 402 p.
96. Molodikova I., Watt A. Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies). Abingdon-on-Thames: Routledge, 2019. 224 p.
97. Rotstein A.A people reborn: the story of North Ossetia. London: Lawrence & Wishart, 2019. 431 p.
98. Wimbush E. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. Los-Angeles:University of California Press, 2015. 195 p.